

НАУЧНЫЙ ЦЕНТР «АЭТЕРНА»

**ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРАВОВОЙ НАУКИ**

**Сборник статей
Международной научно-практической конференции
10 октября 2014г.**

**Уфа
АЭТЕРНА
2014**

УДК 00(082)
ББК 65.26
Д 33

*Ответственный редактор:
Сукиасян А.А., к.э.н., ст. преп.;*

Д 33 ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОЙ НАУКИ сборник статей III Международной научно- практической конференции (10 октября 2014 г. 2014 г., г. Уфа). - Уфа: Аэтерна, 2014. – 52 с.
ISBN 978-5-906769-12-1

Настоящий сборник составлен по материалам III Международной научно-практической конференции **«ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОЙ НАУКИ»**, состоявшейся 10 октября 2014 г. 2014 г.в г. Уфа.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 00(082)
ББК 65.26

ISBN 978-5-906769-12-1

© Коллектив авторов, 2014
© ООО «Аэтерна», 2014

Н.В. Александрова

преподаватель Государственного бюджетного профессионального
образовательного учреждения «Юридический колледж»
г. Москва

Ю.И. Авдащенко

студент 4 курса факультета «Правоохранительная деятельность»
Государственного бюджетного профессионального
образовательного учреждения «Юридический колледж»
г. Москва

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ

В юридическом сообществе давно обсуждался вопрос о сокращении и упрощении процедур уголовного преследования. Данной тематике посвятили свои исследования такие авторы, как Дикарев И.С., Кругликов А.П., Митькова Ю.С., Соловьева Н.А. и другие. Идея упрощенного производства нашла свое отражение и была нормативно воплощена в 2013 году. В соответствии с федеральным законом от 4 марта 2013г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в УПК РФ были внесены значительные изменения. УПК РФ был дополнен главой 32.1, согласно которой производство дознания возможно в сокращенной форме[1]. Принимая данный закон, законодатель преследовал цель дальнейшего усовершенствования процедуры уголовного судопроизводства, для того, чтобы обеспечить скорейшее расследование и рассмотрение в суде уголовных дел небольшой и средней степени тяжести. Но позволят ли изменения уголовно-процессуального законодательства достичь поставленной цели и повысить эффективность досудебного производства? [2, с.234]

Так как дознание является одной из форм расследования, оно остается альтернативой предварительному следствию. Дознание является упрощенной и ускоренной формой расследования прежде всего из-за совмещения в обвинительном акте итогового решения по уголовному делу с одновременным предъявлением обвинения. За десятилетний рубеж в данную форму расследования было внесено значительное количество коррективов (было принято 9 законов, которые внесли значительные изменения в гл. 32 УПК РФ). Появление в гл. 32УПК РФ нормы об увеличении сроков дознания, производстве дознания группой дознавателей, определение четкого процессуального статуса начальника подразделения дознания решили многие процессуальные проблемы в расследовании. Несмотря на это, некоторые ученые высказывают мнение о неудавшемся реформировании дознания, т.к. считают, что по своей сути дознание остается «дубликатом» предварительного следствия[3,с.145].

Сокращенная форма производства дознания существенно отличается от общей формы и характеризуется наличием таких признаков, как упрощенность, ускоренность, соглашение сторон, факультативные правила действия правовых норм. Отличия сокращенного дознания, или, как их назвал законодатель, «изъятия», предусмотрены главой 32.1 УПК РФ. Итак, основанием для сокращенной формы дознания служит ходатайство подозреваемого и его защитника. В ст. 226.4 УПК РФ законодатель достаточно подробно обозначил порядок действий дознавателя, подозреваемого и его защитника, а также потерпевшего при подаче ходатайства о

производстве дознания в сокращенной форме. Производство дознания в сокращенной форме возможно при наличии одновременно ряда условий:

1) уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ;

2) подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела;

3) отсутствуют предусмотренные ст. 226.2 УПК РФ обстоятельства, исключающие производство дознания в сокращенной форме.

Наряду с условиями о производстве дознания в сокращенной форме, выступают обстоятельства, препятствующие данной форме расследования. Так, например, одним из обстоятельств, которое может препятствовать дознанию в сокращенной форме, является возражение потерпевшего. Причем анализ главы 32.1 УПК РФ дает возможность нам сделать заключение о том, что потерпевший и его представитель имеют право в любой момент отказаться от производства дознания в сокращенной форме до удаления суда в совещательную комнату для вынесения приговора. Надо понимать, что расследование уголовного дела и сбор необходимых материалов придется начинать заново в общем порядке. Данное положение сводит на нет сущность сокращенной формы дознания, поскольку в этом случае теряется вся доказательная база и существенно увеличивается (а не наоборот сокращается) срок дознания, так как дознаватель заново производит все процессуальные действия. Мы полагаем, что целесообразно будет получение согласия на сокращенную форму один раз и дальнейшее ходатайство об отказе от сокращенной формы не допустимо. Но все последствия сокращенной формы дознания должны быть заранее оговорены.

Другой, связанный с участием в данном производстве потерпевшего аспект, касается именно учет согласия потерпевшего. Именно мнению потерпевшего уделено особое значение при принятии решения о рассматриваемой форме производства. Действительно ли это так необходимо и не будет ли снижена эффективность данной процедуры расследования? Анализ норм п.6 ч.1 ст.226.2 и ч.3 ст.226.3 УПК РФ позволяют нам сделать вывод о том, что именно от волеизъявления потерпевшего будет зависеть решение уполномоченного органа о начале публичного производства. Должно ли такого рода решение зависеть от воли частного лица? Мы полагаем, что от данной процедуры можно отказаться. Существует статья 125 УПК РФ, в соответствии с которой потерпевший вправе обжаловать данное постановление.

Одной из особенностей сокращенного дознания являются объем доказательств, собираемых дознавателем, и процессуальные средства их собирания. Согласно ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ все доказательства по уголовному делу должны быть собраны в достаточном объеме для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления. Дознаватель обязан произвести только те следственные и иные процессуальные действия, непроизводство которых влечет невозмещаемую утрату следов преступления или других иных доказательств. При анализе положений главы 32.1 УПК РФ, можно сделать вывод, что при сокращенной форме дознания дознаватель обязан только лишь допросить подозреваемого (ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ). Все остальные следственные и процессуальные действия дознаватель вправе производить по своему усмотрению, ограничиваясь сведениями, собранными при проверке сообщения о преступлении, а именно до того, как было возбуждено уголовное дело. Таким образом мы наблюдаем приравнивание материалов

доследственной проверки (например, объяснения) к доказательствам в общепринятом понимании с точки зрения допустимости и относимости.

Исключение составляют те случаи, когда эти доказательства оспорены, а фактические обстоятельства, которые собраны при проверке сообщения о преступлении, поставлены под сомнение подозреваемым, его защитником, а также потерпевшим или его представителем, поэтому дознаватель вправе не производить какие-либо другие следственные и процессуальные действия. Дознаватель вправе не назначать судебную экспертизу после возбуждения уголовного дела, за исключением некоторых случаев:

а) наличие предусмотренных в ст. 196 УПК РФ оснований для обязательного назначения судебной экспертизы;

б) необходимость установления по уголовному делу дополнительных, имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств;

в) необходимость проверки выводов специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. В соответствии с ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ сторона защиты вправе представить судье документы, в которых содержатся иные(дополнительные) сведения о личности подсудимого, а также о наличии у него иждивенцев или иные данные, влекущие за собой смягчение наказания. Это свидетельствует о том, что дознаватель вправе установить минимум данных о личности подозреваемого, тем самым переложить процесс доказывания данного обстоятельства на сторону защиты. Таким образом, получив от подозреваемого признания своей вины и приняв решение о производстве дознания в сокращенной форме, дознаватель фактически освобождается от обязанности доказывать вину подозреваемого в совершении противоправного деяния и это, по мнению законодателя, позволит сократить срок дознания. Снижение объема доказательств, собираемых в ходе дознания в сокращенной форме, действительно позволяет снизить его срок. Однако же способ собирания доказательств вызывает существенные возражения. В частности, законодателем не был решен вопрос о допустимости объяснений в уголовном судопроизводстве, поскольку в ч. 2 ст. 74 УПК РФ получение объяснений не указано в качестве источника доказательств. При получении объяснений лицо, их дающее, не располагает теми же правами, которые определены уголовно-процессуальным законом при проведении допроса (круг участников, продолжительность действия, обеспечения их прав, действия должностного лица в случае отказа допрашиваемого лица от подписи и т.д.). Не определена в УПК РФ и форма закрепления сведений опрашиваемого лица, отсутствуют так же гарантии достоверности сведений, полученных при даче объяснений. Несомненно, положительным аспектом новшества является указание на обязанность дознавателя разъяснять лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, прав и обязанностей, предусмотренных УПК РФ, и обеспечивать возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Однако не совсем понятно, какими именно правами обладают те или иные лица, от которых дознаватель получает объяснения. Например, любой ли участник имеет право пользоваться услугами адвоката, и обязан ли дознаватель во всех случаях обеспечивать его участие, либо это право относится только к лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Особенности дознания в сокращенной форме также являются срок его производства и порядок исчисления срока. Срок сокращенной формы дознания значительно ниже, чем в общей форме, и составляет 15 суток. Но может быть продлен до 20 суток в ряде случаев (ч.9 ст.226.7 УПК) прокурором. Мы полагаем, что срок сокращенного дознания не должен подлежать продлению, т.к. утрачивается смысл

сокращенной формы. В случаях, когда завершить сокращенное дознание не представляется возможным в установленный срок, необходимо продолжить расследование в форме дознания, предусмотренного гл. 32 УПК РФ.

К сожалению, в настоящее время еще не достаточно правоприменительной практики применения рассматриваемой формы расследования. О многих проблемах можно рассуждать только на теоретическом уровне. Однако, даже краткий анализ новелл главы 32.1 УПК РФ дает возможность нам сделать вывод, что упрощение порядка расследования уголовных дел при явных пробелах и неточностях законодательства не только не позволит достигнуть ожидаемого положительного результата, вызвав определенные сложности в их применении, но и, возможно, ухудшит состояние защищенности прав и свобод граждан по уголовным делам.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2014)// Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921;

2. Хисамутдинов Ф. Р. Сокращенное дознание: быть или не быть. Вестник Московского университета МВД России № 1, 2012. - с. 234;

3. Василенко Л.А., Науменко О.А. Дознание в сокращенной форме и его эффективность в досудебном производстве // Общество и право №2, 2013. – с. 145

4. Дикарев И.С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат// Сб.ст.Волгоград; Изд-во ВолГУ, 2013.-с.22-34;

5. Доля Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме//Российский судья №6 2013.-с.43-46.

© Н.В. Александрова, Ю.И. Авдаченко, 2014

УДК 342.9

И.П. Долгих

Заместитель начальника кафедры административного права
ВИ МВД России (г. Воронеж, Российская Федерация)

А.Ф. Быстрынецв

Старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки
ВИ МВД России (г. Воронеж, Российская Федерация)

О ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ ЛИЦУ, СОВЕРШИВШЕМУ НЕСКОЛЬКО АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях в ст. 4.4 предусмотрена возможность назначения лицу, в отношении которого осуществляется производство по делу, нескольких административных наказаний. Однако в сообществе отечественных административистов до сих пор не существует единой точки зрения на этот вопрос. В основе обозначенной проблемы лежат два взаимодополняющих фактора. Во-первых, основной нормативно-правовой акт, регулирующий вопросы административной ответственности в стране, не раскрывает содержание понятия «состав административного

правонарушения», что негативным образом сказывается на определении правоприменителем общественно вредного деяния как элемента состава, а также разграничении простого и сложного состава административного правонарушения. Во-вторых, среди юристов не сформировано единообразное понимание реальной и идеальной совокупности административных деликтов. Кроме того, крайне негативным фактором по-прежнему остается так называемая «палочная система», вынуждающая сотрудников полиции подчас нарушать закон в погоне за установленными показателями. Но вернемся к статье 4.4 КоАП РФ.

В соответствии с пунктом 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 г. №5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», при совершении субъектом двух и более административных деликтов, за каждый из них компетентным должностным лицом должно быть назначено то или иное административное наказание, предусмотренное санкциями соответствующей статьи КоАП РФ или закона (кодекса) субъекта Российской Федерации. Это требование закона распространяется, в том числе, и на случаи, когда несколько дел рассматриваются судьей одновременно.

Если же субъект совершил одно деяние, содержащие признаки составов административных правонарушений, ответственность за совершение которых предусмотрена двумя и более статьями (или частями статей) КоАП РФ или закона (кодекса) субъекта РФ и рассмотрение дел о которых подведомственно одному и тому же судье, административное наказание назначается в пределах санкции, предусматривающей более строгое административное наказание в соответствии с частями 3 и 4 статьи 4.4 КоАП РФ. Анализ юридических норм, закрепленных в ст. 4.4 КоАП РФ, приводит нас к выводу, что фактически речь здесь идет о разграничении реальной и идеальной совокупности противоправных деяний. Данный вопрос детально разработан учеными в области уголовного права и нашел свое отражение в статье 17 Уголовного кодекса Российской Федерации. КоАП РФ о возможном наличии в совершаемых правонарушениях реальной и идеальной их совокупности на сегодняшний день умалчивает.

Реальная совокупность - это совершение субъектом двух или более самостоятельных административных правонарушений, при условии, что он не был привлечен к административной ответственности ни за одно из них. Число противоправных деяний при реальной совокупности соответствует числу административных правонарушений: три деяния – три административных правонарушения, пять деяний - пять правонарушений и т.д. Чаще всего, упомянутые деликты совершаются в различные временные промежутки, однако, если одно из административных правонарушений является длящимся, то они могут и совпасть во времени. Реальную совокупность могут составлять как разнородные, так и однородные административные правонарушения. Разнородные правонарушения посягают на различные объекты административно-правовой охраны, однородные – на один и тот же объект. Примером реальной совокупности разнородных административных правонарушений может являться случай совершения мелкого хищения (ст. 7.27 КоАП РФ) лицом, находящимся в общественном месте в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность (ст. 20.21 КоАП РФ). Здесь субъект одновременно причиняет вред и отношениям собственности, и общественному порядку. В качестве примера реальной совокупности однородных правонарушений можно привести факт совершения мелкого хулиганства (ст. 20.21 КоАП РФ) уже упомянутым пьяным субъектом.

Идеальной совокупностью административных деликтов является одно деяние, содержащее признаки двух и более составов правонарушений. Идеальная

совокупность может состоять как из двух, так и из трех, четырех и более противоправных деяний.

К сожалению, на сегодняшний день при назначении административных наказаний за совершение нескольких административных правонарушений у судей и иных должностных лиц, рассматривающих административные дела, нет единой трактовки соответствующих юридических норм. По нашему глубокому убеждению, в целях унификации применения ст. 4.4 КоАП РФ необходимо не только законодательно разработать и закрепить в качестве кодифицированной нормы понятие состава административного правонарушения, но и оптимизировать институт назначения административного наказания в части создания механизмов сложения и поглощения. Убеждены, что совершенствование законодательства, регламентирующего порядок и условия назначения наказания при совершении лицом нескольких административных правонарушений, позволит правоприменительным органам не только не выходить за рамки законности, но и эффективно обеспечивать права и интересы физических и юридических лиц, а также государства в целом.

© И.П. Долгих, А.Ф. Быстрянцева, 2014

УДК 34.09

Д.С. Запорожцев

Студент 5 курса, 522 группа

Института правоохранительной деятельности

Саратовская государственная юридическая академии

г. Саратов, Российская Федерация

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ В ФИНАНСОВОМ ПРАВЕ

Прежде чем перейти к характеристике проблем финансово-правового статуса раскрыть понятие «электронные деньги».

«Согласно одной из точек зрения, электронные деньги признаются безналичным платежным средством особого рода, поскольку они обладают свойством делимости, что делает возможным выполнение ими функций средства обращения и средства платежа. Однако ряд свойств «электронных денег» противоречит данной точке зрения. В частности, то, что они являются prepaid финансовым продуктом, а также то, что фактическое получение стоимости возможно лишь после перевода «электронных денег» в наличные или безналичные. Другая точка зрения заключается в том, что виртуальные денежные единицы представляют собой право требования к эмитенту, которое фиксируется с помощью специальных технических средств, носителей информации. Соответственно их обращение представляет собой уступку права требования к эмитенту. То есть в момент зачисления денег на электронный счет эмитент электронных денег и клиент вступают в договорные отношения. И в этом случае остается открытым вопрос о правовой природе такого договора». [1]

Как мы видим, существуют различные точки зрения, что собой представляют электронные деньги, и как мы видим, отсутствует единство в правовой теории.

«С юридической и финансовой точки зрения на сегодняшний момент электронные деньги не являются деньгами, а представляют собой или чеки, или подарочные сертификаты, или другие подобные платежные средства, в зависимости от юридической

модели системы и ограничений местного законодательства. Электронные деньги могут эмитироваться банками, НКО или другими организациями. Как правило, эмиссия электронных денег не лицензируется и не контролируется государством, но работы по обеспечению законодательной базы ведутся.

Существует принципиальное различие между электронными деньгами и обычными безналичными денежными средствами. Оно состоит в том, что электронные деньги не являются заменителями обычных денег, а представляют собой платежные средства, эмитированные какой-либо организацией, тогда как обычные деньги (наличные или безналичные) эмитируются Центральным государственным банком. То есть электронные деньги представляют собой денежный суррогат (заменитель), тогда как безналичные средства – денежный субститут (заместитель). Прямой взаимосвязи между безналичными средствами и электронными деньгами нет». [2] «Прежде всего, подчеркнем, что действующее законодательство Российской Федерации не оперирует таким понятием как «электронные деньги» (цифровые деньги) или «электронная наличность» (иначе – Интернет-деньги). Электронные деньги – не являются денежными средствами в том понимании, как их определяет действующее гражданское законодательство (ст.140 ГК РФ). Существует два подхода к пониманию «цифровой наличности». Так, например, в системе WebMoney электронные деньги (именуемые «титულными знаками») рассматриваются как ценные бумаги. В PayCash – как авансовый платеж. И в том и другом случаях «электронные деньги» фактически являются prepaid финансовым продуктом.

В последующем приобретении товаров и услуг осуществляется такими «титулными знаками» или ценными бумагами (либо уже считается prepaid), которые, повторимся, не являются деньгами. Деньгами, как это следует из ст.140 ГК РФ являются – рубли, законное платежное средство, обязательное к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации.

На основании вышеуказанной информации можно сделать вывод, что термин «деньги» по отношению к электронным деньгам не правомерен, что в итоге влечёт к отсутствию чёткого закрепления правового статуса электронных денег, и тем более с юридической стороны не верно какое-либо распространение правового режима денег на данный институт».[3].

Электронные деньги по гражданскому кодексу РФ не являются деньгами в той правовой конструкции, как он их трактует. На какие-либо операции электронных денег в сфере расчетов не распространяется законодательство о безналичных расчетах. В итоге, что мы видим? Электронные деньги получаются не деньгами по своей правовой природе и статусу, а трактуются либо как авансовый платёж, с точки зрения PayCash либо как в системе WebMoney, электронные деньги именуют «титулными знаками» или как вид ценных бумаг. Что же подразумевают под понятием «титулный знак» ?

«Под титулными знаками понимают тип расчетной единицы в ЭПС. Он служит средством расчетов, эквивалентен определенному виду валюты (например, рублю) и хранится на электронном счете пользователя ЭПС. Титулный знак по форме является электронным чеком на предъявителя. Чек относят к одной из форм безналичных расчетов, он удостоверяет право на получение определенной суммы (денежное требование к чекодателью) и является ценной бумагой с обязательными реквизитами. На каждый тип титулного знака имеется своя организация-гарант, которая является компанией — эмитентом (чекодателем) таких титулных знаков (чеков). Фирма, которая желает использовать чеки при расчетах в ЭПС, покупает необходимое ей количество расчетных единиц у организации-гаранта по договору купли-продажи». [4]

Из вышесказанного можно сделать вывод, что корректней будет определять финансовый и гражданский правовой статус электронных денег, не как денег в том понятие как трактует их ГК РФ, а как титульные знаки.

С точки правовой науки это приведет к чёткому урегулированию правового статуса электронных денег и поспособствует устранению коллизий в данном институте.

Список использованной литературы :

1. В.В. Гончаров. Развитие и регулирование рынка электронных денег // «Расчеты и операционная работа в коммерческом банке», №2, 2010 год. URL: <http://bankir.ru> (дата обращения 27.09.2014)

2. В.О. Рябов. Электронные деньги в России. Проблемы использования и регулирования // «Креативная экономика».- 2010.- № 9 (45). URL: <http://www.creativeconomy.ru> (дата обращения 28.09.2014)

3. Великомыслов Ю.Я., Равлик А.В. Электронные деньги: правовой статус // Allpravo.Ru. - 2005. URL: <http://www.allpravo.ru> (дата обращения 01.10.2014)

4. С. Молин. Титульный знак : особенности учёта // «Актуальная бухгалтерия», N 6, июнь 2011 г. URL: <http://garantsp.ru/articles/as230611/> (дата обращения 01.10.2014)

© Д.С. Запорожцев, 2014

УДК 355.357

П.Г. Зверев

Преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук
г. Калининград, Российская Федерация

ЗАКОНЫ ОККУПАЦИИ И МИРОТВОРЧЕСТВО ООН

Смерть сомалийского подростка Шидане Ароне от пыток канадских миротворцев в марте 1993 г. серьезно подорвала репутацию миротворчества Организации Объединенных Наций (ООН) и послужила причиной расформирования канадского воздушно-десантного подразделения. Последовавшее расследование канадского правительства установило, что одной из причин инцидента стало чувство фрустрации из-за отсутствия возможности борьбы с преступностью среди местного населения [2]. Канадский пример «миротворчества» был, безусловно, одним из худших, но он явил собой довольно «распространенную практику применения физического наказания в отношении тех, кто был уличен в воровстве или несанкционированном проникновении, как средства предотвращения новых правонарушений и наглядного примера свершенного “правосудия”» [3, р. 20].

Офицер по правовым вопросам австралийского военного контингента (который был частью Объединенной оперативной группировки [ЮНИТАФ / UNITAF] в Сомали) М. Келли одним из первых осознал необходимость четкого определения и понимания юридических рамок деятельности миротворцев в полевых условиях для того, чтобы придать миротворческим силам уверенность и предотвратить осознанную необходимость нападения на местное население – тех самых людей, для защиты и поддержки которых и

учреждается миротворческая операция. В ходе своего исследования Келли выяснил, что, несмотря на практически полное отсутствие доктринальных комментариев по данному вопросу, ему все же удалось опереться на массив академической литературы, посвященной применимости международного гуманитарного права (МГП) и законов оккупации к международному миротворчеству. Так, А. Робертс в статье «Что такое военная оккупация?» отметил, что «справедливо было бы полагать, что всякий раз, когда вооруженные силы управляют иностранной территорией и оказываются лицом к лицу с ее населением, должны применяться все или некоторые положения законов оккупации» [4, p. 250]. Э. Бенвенисти в своей книге «Международное право оккупации» также затрагивает этот вопрос, пусть даже руководствуясь не правовыми, а политическими мотивами [1]. К нормам МГП и, в частности, законом оккупации М. Келли и обратился в целях отыскания правовых основ деятельности миротворцев на фактически оккупированных территориях.

В основу применимости гуманитарного права в качестве правовой базы миротворческой деятельности положена ст. 2, общая для Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г., которая *inter alia* предусматривает применение конвенций «в случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся стороны, даже если эта оккупация не встретит никакого вооруженного сопротивления». Изучив эволюцию законов оккупации во времени, М. Келли пришел к выводу о том, что наилучшее воплощение они нашли как раз в указанной ст. 2, общей для Женевских конвенций 1949 г. Применимость законов оккупации подразумевает также применимость норм Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (IV Конвенция) 1949 г., регламентирующих порядок обращения с гражданскими лицами там, где вооруженные силы *de facto* установили контроль над населением или территорией. Речь идет, в том числе, и о ситуациях проведения ООН миротворческих операций.

МГП и, в частности, законы оккупации не применяются в миротворческих операциях только лишь потому, что исполнительная власть аккредитующего государства не смогла осуществлять свои полномочия или само государство рухнуло, вследствие чего силы или временная администрация ООН осуществляют фактический контроль. И дело не в том, что ООН неспособна быть участником Женевских конвенций 1949 г., как считают некоторые авторы [5, p. 43]. Будучи субъектом международного права, ООН действует на основе норм международного обычного права и конвенций, составляющих МГП. А гуманитарное право, в свою очередь, не применяется до тех пор, пока не будет пересечен порог вооруженного конфликта либо не наступит состояние оккупации иностранными вооруженными силами.

Основная цель работы в данной области заключается в разработке и принятии норм *de jure*, которые бы регламентировали проведение миротворческих операций ООН в разрушенных войной государствах. При этом не следует забывать, что по своей роли ООН в период проведения миротворческих операций отличается от «классических» оккупационных сил, предусмотренных ст. 2, общей для Женевских конвенций 1949 г.

Неоспоримым остается тот факт, что если силы ООН / уполномоченные ООН многонациональные силы вступают в вооруженный конфликт (как это было во время операции в Конго в 1960-1963 гг. и в ходе первой войны в Персидском заливе в 1991 г.), к ним применяются нормы МГП, включая законы оккупации.

Список использованной литературы:

1. *Benvenisti E.* The International Law of Occupation. – Princeton University Press, 2005.
2. Canadian Government. Report of the Somali Commission of Inquiry, 2 July 1997. [URL] <http://www.dnd.ca/somalia/somaliae.htm>

3. Kelly M. Restoring and Maintaining Order in Complex Peace Operations. –Kluwer Law International, 1999.
4. Roberts A. What is Military Occupation // British Yearbook of International Law. – 1984. – № 55.
5. Shraga D., Zacklin R. The Applicability of International Humanitarian Law to United Nations Peacekeeping Operations: Conceptual, Legal and Practical Issues // ICRC Symposium on Humanitarian Action and Peace-Keeping Operations Report, 1994.

© П.Г. Зверев, 2014

УДК 355.357

П.Г. Зверев

Преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Калининградского филиала
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук
г. Калининград, Российская Федерация

ОБ ОПЕРАЦИЯХ В ПОДДЕРЖКУ МИРА

Операции в поддержку мира (*peace support operations*) имеют своей целью урегулирование конфликтов и укрепление мира и безопасности. Важной частью этого процесса является установление или восстановление верховенства права, и значительную роль в этом деле играет международная полиция. Одной из ключевых задач такого рода операций является возрождение или создание структуры местной полиции, которая могла бы функционировать в соответствии со стандартами по правам человека. Успех операций в поддержку мира (ОПМ) напрямую зависит от тех, кто участвует в совместной работе по решению этой задачи. На практике это означает необходимость использования коллективного, комплексного и всеобъемлющего подхода.

Термин «операции в поддержку мира» используется в ряде стран мира (например, в Великобритании) для описания организованной международной интервенции в страны, пострадавшие от конфликтов. Как правило, ОПМ имеют сильный военный компонент. Главной задачей ОПМ является установление и / или обеспечение стабильности в период после заключения мирного соглашения, поэтому в их рамках может происходить реконструкция и развитие.

Большинство государств разделяют общий интерес в содействии международному миру и безопасности. Однако некоторые дестабилизирующие факторы – в том числе неурегулированные конфликты, демографические изменения, этническая напряженность и деятельность ряда групп, выходящая за пределы международно-признанных норм, – могут способствовать массовому перемещению населения, терроризму и расширению региональных и глобальных криминальных связей. Все эти проблемы влияют на международное сообщество в целом, поэтому требуют всеобъемлющих международных ответных действий.

Для многих стран одним из внешнеполитических приоритетов является предотвращение и урегулирование конфликтов при помощи мощной международной структуры. Конфликт всегда вызывает страдания миллионов простых людей во всем мире, затрудняет или даже обращает вспять развитие, оказывая непосредственное влияние на страны посредством

создания условий, позволяющих процветать терроризму и организованной преступности. Наиболее дальновидные национальные правительства уже включились в процесс сотрудничества с международным сообществом с целью стабилизации положения в кризисных странах и коренного разрешения проблем. Участие в ОПМ как раз и стало одним из способов решения указанных задач.

ОПМ, как правило, предполагают объединение ресурсов ряда государств для выполнения широкого спектра задач в области миростроительства, которые могут иметь политическую, военную и / или связанную с развитием природу. Непосредственные и вытекающие из них задачи ОПМ в конечном итоге определяют способы участия международного полицейского персонала, вовлеченного в их работу (полицейский компонент). Каждый участвующий в ОПМ сотрудник должен четко понимать, для каких целей она учреждается и чего стремится достичь.

Обычно ОПМ состоят из ряда компонентов, включая вооруженный / невооруженный военный компонент и различные гражданские компоненты, занимающиеся соответствующими видами деятельности, в том числе: 1) обеспечением верховенства права; 2) обеспечением прав человека; 3) деятельностью, связанной с разрешением гражданских вопросов; 4) оказанием помощи в избирательном процессе; 5) гендерными вопросами; 6) разоружением, демобилизацией и реинтеграцией (РДиР) [2]; 7) гуманитарной координацией; 8) защитой гражданских лиц [1]; 9) восстановлением, возвращением и реинтеграцией; 10) деятельностью по разминированию; 11) обеспечением поддержки миссии.

В последних ОПМ развертываются сформированные полицейские подразделения (СПП / FPU), в задачи которых входит контроль за массовыми скоплениями людей и осуществление полицейских функций, к которым местная полиция либо не готова, либо которые она не может (по причине перегруженности) или не хочет осуществлять. СПП оказывают существенную помощь в миссиях с исполнительным мандатом (*executive missions*): так, в Боснии были дислоцированы многонациональные специализированные подразделения (МСП / MSU), а в Косово были развернуты специальные подразделения полиции (SPU). Оба типа СПП включали международный персонал из стран, имеющих постоянно действующие силы охраны правопорядка (известные также как военизированные структуры или жандармерия). Они также могут оказывать поддержку силам местной полиции в формировании их профессиональной компетенции по управлению гражданскими беспорядками, усиливая тем самым различия между полицейской и военной функцией. В некоторых миссиях (особенно под управлением ООН) СПП могут составлять половину (и даже более) полицейского компонента.

Некоторые ОПМ требуют присутствия вооруженного полицейского компонента как для целей самозащиты, так и для решения оперативных задач. Четкое уяснение функций достигается путем анализа мандата, на основе которого разрабатываются также правила ведения боя (ROE).

Список использованной литературы:

1. Зверев П.Г. Защита гражданских лиц в операциях ООН в пользу мира // Молодой ученый. – 2014. – № 11 (70). – С. 259-261.
2. Зверев П.Г. Разоружение, демобилизация и реинтеграция как направление современного миростроительства // Молодой ученый. – 2014. – № 13 (72). – С. 182-184.

© П.Г. Зверев, 2014

ПРАВО НА ДОСТОЙНУЮ ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ

Право на достойную заработную плату является одним из общепризнанных экономических прав человека и гражданина, реализуемых в производственной сфере, в области трудовых правоотношений. Вопросы реализации и защиты данного права в современном мире и в Российской Федерации обладают повышенной значимостью, поскольку в условиях экономического кризиса граждане сталкиваются с его многочисленными нарушениями. К таким нарушениям относятся низкая заработная плата, нередко не достигающая прожиточного минимума трудоспособного человека, не говоря уже о членах его семьи; систематическая задержка или невыплата заработной платы; натуральная оплата труда; дискриминация при оплате труда; невыплаты отпускных, выходных пособий, полного расчета при увольнении и другие.

По мнению ряда авторов, «все эти нарушения свидетельствуют о низкой оценке роли заработной платы как элемента экономического развития и способа повышения благосостояния населения и влекут невозможность обеспечения нормального уровня жизни, что не только приводит к материальным и психологическим трудностям, но и отрицательно сказывается на уровне производства. Неслучайно, низкая обеспеченность и бедность представляют собой угрозу экономической безопасности» [1, с. 155].

По данным мониторинга проведенного Центром социально-трудовых прав и посвященного исследованию причин трудовых протестов, наблюдавшихся в России 2008-2012 гг., практически единственной причиной для забастовок и выступлений в этот период времени была невыплата заработной платы, позднее - недовольство системой оплаты труда и низким уровнем заработной платы (69% всех опрошенных) [2]. При этом часть 3 статьи 37 Конституции РФ 1993 г. устанавливает требование выплаты вознаграждения за труд без дискриминации и не ниже установленного Федеральным законом минимального размера оплаты труда.

Следует отметить, что согласно Конвенции МОТ «О защите заработной платы» 1949 г. №95, термин «заработная плата» означает, независимо от названия и метода исчисления, всякое вознаграждение или всякий заработок, исчисляемые в деньгах и устанавливаемые соглашением или национальным законодательством, которые в силу письменного или устного договора о найме работодатель уплачивает работнику за труд, который выполнен, либо должен быть выполнен, или за услуги, которые оказаны, либо должны быть оказаны. Это положение не было учтено в полной мере в российском законодательстве.

Согласно статье 23 Всеобщей декларации прав человека 1948 года каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное существование человека и его семьи. Часть 2 указанной статьи фиксирует право на равную оплату за равный труд. А положения другого международного стандарта в области прав человека – Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. в статье 7 относят вознаграждения к справедливым и благоприятным условиям труда. В данной статье зафиксировано правило о необходимости обеспечения справедливой заработной платы, обеспечивающей удовлетворительное существование человека и его семьи, и равного вознаграждения за труд равной ценности.

Интересно отметить, что, несмотря на то, что в статье 3 данного пакта оговаривается необходимость обеспечения равного для мужчин и женщин права пользования всеми закрепленными в нем правами, в статье 7 специально предусмотрена равная оплата за равный труд мужчин и женщин. Можно также привести в пример специальную Конвенцию МОТ №100 относительно равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности 1951 г.

Несмотря на наличие международных стандартов и гарантий в области охраны права на достойную заработную плату, во многих странах данное право вообще не имеет конституционного и иного законодательного закрепления, например, в Албании, Германии, Дании, Ирландии, Литве, Норвегии. В некоторых странах указывается ссылка на нормы закона, который должен определить справедливый (Грузия, Чехия) или минимальный размер заработной платы (Польша, Исландия).

Россия провозгласила себя социальным государством, согласно статьи 7 Конституции РФ, а, следовательно, основной целью её политики должно стать создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека, что предполагает, в том числе гарантированный достаточный минимальный размер оплаты труда, а также соблюдение норм вышеуказанных международных договоров в этой сфере. Однако, в Трудовом Кодексе РФ обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, которая обеспечивает достойное существование для него самого и его семьи, и которая должна быть не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, закреплено в качестве принципа правового регулирования в статье 2, а не конкретного субъективного права. Кроме того, как абсолютно верно отмечает Ю.В.Гаврилова, «все перечисленные характеристики вознаграждения за труд носят оценочный и неоднозначный характер и без соответствующих конкретизирующих норм отраслевого законодательства не способны решить проблему повышения уровня жизни граждан» [1, с. 153-154].

Тем не менее, выплата вознаграждения, не отвечающая данным требованиям, будет являться посягательством на несколько прав одновременно, поскольку реализация данного права, как и других прав, должна позволять каждому жить свободной жизнью, соответствующей человеческому достоинству. Следовательно, размер заработной платы должен учитывать не только минимальный набор продуктов, товаров и услуг первой необходимости, но и иные потребности человека, например, доступ к различным источникам информации, культурным ценностям, что отмечается в ряде конституций, отражающих международные стандарты. Так, одно из наиболее полных требований к заработной плате, основанное на том, что никто не может быть обязан осуществлять трудовую деятельность без справедливого вознаграждения, содержится в Конституции Мексики. Согласно статье 123, минимальный размер справедливого вознаграждения должен быть достаточным для удовлетворения нормальных жизненных потребностей трудящегося, его материальных, социальных и культурных запросов как главы семьи и обеспечения обязательного образования детей. Закрепляется и запрет дискриминации по признаку пола, устанавливается равная оплата за равный труд.

В Российской Федерации существует целый комплекс проблем, связанных с реализацией и защитой права на достойную заработную плату. Во-первых, до сих пор существует разрыв в заработной плате мужчин и женщин, по некоторым данным в настоящее время в России заработная плата женщин составляет 63% от заработной платы мужчин [3]. Во-вторых, в этой области существует резкий диссонанс между экономически благополучными секторами и теми, кто переживает экономические трудности, а также бюджетной сферой. Различия в оплате труда работников могут достигать 10-15 раз. В-

третьих, не решена проблема несвоевременной выплаты вознаграждения за труд, хотя невыплата зарплаты не относится к числу неустрашимых нарушений. В-четвертых, проблемой является несвоевременная индексация зарплат при постоянном росте цен на товары и услуги, с чем, безусловно, связан уровень бедности в России.

Все эти проблемы требуют не только комплексного подхода к изучению, но и проведения последовательной социально-экономической политики, мер по законодательному регулированию вопроса и создание эффективно действующих механизмов реализации и защиты права на достойную оплату труда.

Список использованной литературы:

1. Рудинский Ф.М., Гаврилова Ю.В., Крикунова А.А., Сошникова Т.А. Экономические и социальные права человека и гражданина: современные проблемы теории и практики. Под общ. Ред. Ф.М.Рудинского. – М.: Права человека, 2009.

2. Трудовые протесты в России в 2008-2012 гг. Аналитический отчет по мониторингу трудовых протестов Центра социально-трудовых прав. URL: <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/646> (дата обращения - 11.10.2013)

3. Гендерное равенство в СНГ: общий обзор URL: <http://www.ilo.org> (дата обращения - 11.10.2013)

© А.И. Катогарова, 2014

УДК 343.985.7

М.Н. Кузьмин, Преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
г. Краснодар, Российская Федерация

К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Одним из решающих факторов, определяющих успешное выполнение задач по раскрытию преступлений террористического характера, в том числе и в условиях проведения контртеррористических операций, является взаимодействие следователей Следственного комитета РФ с другими правоохранительными органами.

Следователю Следственного комитета РФ важно понимать то, что под взаимодействием понимается основанная на законе и ведомственных подзаконных актах согласованная деятельность следователя Следственного комитета РФ с МВД, ФСБ и др., чья деятельность направлена на выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений террористического характера, в том числе и в условиях проведения контртеррористических операций, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, розыска лиц, скрывшихся от правоохранительных органов и суда путем наиболее эффективного сочетания методов и средств, присущих этим органам, при сохранении тайны следствия и источников получения негласной информации в условиях проведения контртеррористических операций.

Следователю СК РФ необходимо учитывать то, что кроме Следственного комитета РФ, органов внутренних дел борьбу с преступностью осуществляют органы ФСБ, прокуратуры и суда, а взаимодействие СК РФ с этими государственными органами – необходимое условие повышения эффективности борьбы с преступлениями террористического

характера, в том числе и в условиях проведения контртеррористических операций, поэтому важно различать внутреннее взаимодействие, осуществляемое в рамках системы СК РФ (следственных отделов, управлений криминалистики СК РФ по субъектам), и внешнее взаимодействие, осуществляемое СК РФ с другими государственными органами.

Внутреннее взаимодействие – это совместная согласованная деятельность отдельных следователей, отделов Следственного комитета РФ по достижению общей цели средствами и возможностями, которыми каждый из них располагает в пределах своей компетенции.

Взаимодействие может осуществляться между сотрудниками одного и того же органа Следственного комитета РФ, между отделами внутри этого органа, между разными органами СК РФ различных уровней (включая Главное управление криминалистики СК РФ, Главное следственное управление СК РФ) и порядка подчиненности.

В случае уничтожения преступников при пресечении террористической деятельности, на первоначальном этапе предварительного следствия важно организовать надлежащее взаимодействие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, поскольку уже на стадии осмотра места происшествия может быть получено большое количество информации о событии преступления, которую в последующем получить либо восполнить будет уже невозможно. Так, оперативная передача следователем органу, осуществляющему оперативно-розыскную деятельность, получаемой в ходе осмотра места происшествия информации, может способствовать скорейшему установлению пособников, свидетелей, очевидцев преступления. Например, оперативная передача информации, содержащейся в обнаруженных в ходе осмотра места происшествия сотовых телефонах, портативных компьютерах, блокнотах, листах бумаги с текстом и прочих носителях.

Поэтому необходимо в обязательном порядке привлекать к участию в осмотре места происшествия оперативных сотрудников Федеральной службы безопасности и органов внутренних дел, в ходе осмотра места происшествия по возможности детально осматривать обнаруженные носители информации.

При проведении идентификационного исследования останков необходимы образцы для сравнения. В качестве таких образцов используются образцы крови близких (кровных) родственников предполагаемого лица или объекты (следы крови, волосы и т.д.), в отношении которых достоверно известно, что они произошли от этого человека. В случае если исследование назначено в связи с идентификацией исполнителя террористического акта, возможными объектами исследования представляются выпавшие волосы (например, оставшиеся на спинке кресла в салоне транспортного средства, где исполнитель находился перед совершением террористического акта), слюна на окурках, следы крови (при ранении преступника, случайных повреждениях, носовом кровотечении).

Основные задачи взаимодействия Следственного комитета РФ при раскрытии и расследовании преступлений террористического характера, в том числе и в условиях проведения контртеррористических операций:

- обеспечение неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий при совершении преступлений террористического характера, в том числе и в условиях проведения контртеррористических операций;

- всестороннее и объективное расследование, своевременное изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших, а также розыск скрывшихся преступников;

- осуществление мероприятий, направленных на возмещение материального ущерба, причиненного гражданам и организациям вне зависимости от форм собственности преступными действиями виновных лиц.

© М.Н. Кузьмин, 2014

СИСТЕМА РОДИТЕЛЬСКИХ ОТПУСКОВ: SWEDEN VS RUSSIA

Социальное государство – это новый этап развития государственных форм общественного устройства, начавшийся после окончания Второй Мировой войны. Большинство развитых стран не только закрепили данный принцип в своих Основных законах, но и de facto являются государствами, политика которых направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. На наш взгляд, особое внимание следует уделить странам Скандинавии, в частности Швеции, которые выбрали в середине XX в. свою уникальную модель социально-экономического развития, и России, не имеющей пока такого длительного опыта.

И Российская Федерация, и Королевство Швеция в своих Конституциях четко закрепили, что государство обязано содействовать социальному обеспечению, безопасности и хорошим условиям жизни [8]. Однако на практике социальные-экономические права реализуются не одинаково. Это становится очевидным, если сравнить некоторые элементы социального обеспечения в России и Швеции, например, систему родительских отпусков.

В Швеции реализуется социал-демократическая (солидарная) модель социальной защиты населения, где у государства ведущая роль. Социальные сферы финансируются за счет довольно развитого экономического сектора государства и высокого уровня налогообложения. В ВВП Швеции часть государственных расходов достигает 66%, львиная доля которых идет на финансирование статей социальной направленности. За счет трансфертных платежей идет перераспределение национального продукта для малообеспеченных граждан страны.

Солидарная модель социальной защиты населения в Швеции демонстрирует успешную страховую систему родительских отпусков, являющуюся примером гендерного равенства.

В большинстве европейских стран право на "материнский" отпуск закреплено законодательно. В Швеции подобной правовой нормы не существует, отпуск в связи с рождением ребенка предусмотрен схемой "родительских" отпусков, и не ограничивается лишь материнским. Следует отметить, что право на "материнский" отпуск возникает лишь при определенных условиях. Как правило, главным условием является экономическая активность женщины (она должна проработать более 240 дней до ожидаемой даты родов) и отчисления на социальное обеспечение. В Швеции продолжительность отпуска по беременности и родам составляет 24 недели, а выплачиваемое пособие – 80% от предыдущей заработной платы. Как и в России, в Швеции запрещено увольнять женщину, находящуюся в отпуске по беременности и родам. Однако сохраняется не только ее рабочее место, но и ее служебное положение.

Помимо «материнского» отпуска шведская система социального обеспечения предусматривает право родителей на отпуск по уходу за ребенком. Европейская Комиссия считает данный отпуск важным элементом концепции обеспечения условий для сочетания трудовой деятельности и семейной жизни. Разработанная в 1996 году Директива

(ЕС/34/ЕС) обязала стран-членов ЕС обеспечить предоставление всем трудящимся отпуска по уходу за ребенком продолжительностью не менее 3 месяцев (после рождения ребенка). Такой отпуск прибавляется к обязательным 20 неделям «материнского» отпуска в связи с рождением ребенка. Отпуск является гендерно-нейтральным, поэтому он может предоставляться как матери, так и отцу, способствуя интеграции матерей на рынке труда, а отцов – в семьях. Также примечательно, что именно Швеция стала первой страной в мире, которая наделила отцов правом на оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком.

В Швеции продолжительность родительского отпуска является средней среди стран-членов ЕС и составляет 16 месяцев. За первые 390 дней он оплачивается на уровне 80 – 100% заработной платы. Еще 90 дней отпуска предоставляется при более низком уровне оплаты. Кроме того, отпуск по уходу за ребенком увеличивается на месяц, если его берет отец. Однако использование родительского отпуска мужчинами даже в самых прогрессивных, с точки зрения гендерного равенства, скандинавских странах продолжает оставаться незначительным.

Великобритания, средиземноморские и страны Бенилюкса относятся к государствам, где право на отпуск по уходу за ребенком является индивидуальным, т.е. правом обладает каждый родитель, и его невозможно передать супругу. В остальных странах, в том числе в Швеции, право на отпуск по уходу за ребенком является семейным правом, т.е. правом обладает семья, которая может делить отпуск между родителями по своему усмотрению.

Кроме того, в большинстве стран Европы предусмотрен так называемый «отцовский» отпуск, который предоставляется мужчине работодателем. Это говорит о том, что в современном обществе происходит трансформация института отцовства. Как правило, «отцовский» отпуск намного короче материнского и действует как дополнение к нему, так в Швеции он составляет 2 недели. Оплата отпуска отца составляет 80% от его заработной платы. Отпуска, предназначенный для отцов, не могут быть переданы матери и «пропадают», если не используются.

Говоря о российской системе социального обеспечения, следует отметить тот факт, что она по своим существенным характеристикам похожа на шведскую – предполагается, ведущая роль государства в делах социальной защиты населения. Однако доля ВВП, используемого на социальные цели в России и являющегося основным индикатором социального государства, существенно отличается от доли ВВП в Швеции и составляет 17%, что является самым низким показателем среди развитых стран [6].

И Конституция РФ, и Семейный Кодекс (далее- СК) закрепляет принцип защиты семьи, материнства, отцовства и детства государством. И в связи с этим, конечно же, гарантирует женщинам закрепленное в статье 255 Трудового Кодекса (далее-ТК) РФ право на отпуск по беременности и родам. Продолжительность отпуска составляет от 140 до 194 дней (от 70 до 84 дней до родов и от 70 до 110 дней после), срок увеличивается при осложненных родах, рождении 2-х или более детей. Отпуск исчисляется суммарно, в связи с чем женщина может потратить больше дней на период после рождения ребенка или наоборот до этого момента. На протяжении всего времени выплачивается пособие по государственному социальному страхованию в размере 100 % от среднего заработка. Однако действуют то же правило, что и в Швеции: если страховой стаж женщины составляет менее 6 месяцев, то пособие выплачивается в размере минимального размера оплаты труда (далее-МРОТ).

Право на отпуск по уходу за ребенком, предусмотренное статьей 256 ТК РФ, предоставляется одному из родителей или другим родственникам до достижения ребенком возраста 3-х лет (с 1.01.2014 в определенных случаях до 4,5 лет). Выплата пособия

осуществляется работодателем ежемесячно на протяжении лишь полутора лет в размере 40 % от предыдущего заработка (с определенным максимумом), но не меньше минимального размера пособия – для первого ребенка-1500 рублей, для второго и последующих-3000 рублей[5]. Данное право сохраняется даже если родитель работает на условиях неполного рабочего времени. Женщина вправе со дня рождения ребенка получать либо пособие по беременности и родам, либо ежемесячное пособие по уходу за ребенком с зачетом ранее выплаченного пособия по беременности и родам в случае, если размер пособия по уходу за ребенком выше, чем размер пособия по беременности и родам. После исполнения полутора лет ребенку осуществляется выплата ежемесячного пособия на ребенка, размер которого регулируется нормативно-правовыми актами субъектов РФ.

В России также на период отпуска по уходу за ребенком за работником сохраняется как место работы, так и должность.

Сравнивая элементы системы «родительских отпусков» в Швеции и России надо признать, что результаты получаются неоднозначными. Если относительно отпуска по беременности и родам можно говорить о социальной защищенности женщины в этот период времени как с точки зрения продолжительности отпуска, так и с точки зрения его оплаты, то отпуск по уходу за ребенком нуждается в модификации. Несмотря на то, что в России он более продолжительный (36 месяцев), чем в Швеции (16 месяцев), оплачивается только 18 месяцев, при этом размер пособия составляет почти в 2 раза меньше, чем в Швеции на протяжении 13 месяцев. Следовательно, государство, предоставляя право на отпуск длительностью 3 года, не обеспечило полностью реализацию этого права.

Отсутствие же «отцовского» отпуска в России позволяют сделать вывод о том, что в нашем современном обществе, несмотря на декларируемое равноправное участие родителей в воспитании детей, на самом деле мужчины придерживаются традиционных взглядов в вопросах, связанных с воспитанием детей. Существующие в нашей стране социальные гарантии не способствуют обеспечению гендерной симметрии и формированию нового, вовлеченного отцовства.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации// Собрании законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398;
2. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 28.06.2014) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3;
3. Семейный Кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 05.05.2014)// Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, N 1, ст. 16;
4. Федеральный закон от 16.07.1999 N 165-ФЗ (ред. от 28.12.2013) "Об основах обязательного социального страхования"// Собрание законодательства РФ, 19.07.1999, N 29, ст. 3686;
5. Федеральный закон от 19.05.1995 N 81-ФЗ (ред. от 02.07.2013, с изм. от 04.06.2014) "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей"//Собрание законодательства РФ", 22.05.1995, N 21, ст. 1929;
6. Захаров М. Л. Социальное страхование в России: прошлое, настоящее и перспективы развития. Трудовые пенсии, пособия, выплаты пострадавшим на производстве. Монография. – М.-Проспект, 2013
7. Svenska Palmen http://www.sweden4rus.nu/rus/info/juridisk/konstytucija_shvecii (Дата обращения 8.10.14)

© К. С. Кушева, 2014

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТАРАТЕЛЕЙ В ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БОДАЙБИНСКОГО РАЙОНА: НЕДОСТАТКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX- ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ

Целью данной работы является анализ государственной политики по формированию правового положения старателей и ее реализация в советской золотодобывающей промышленности Бодайбинского района Восточной Сибири.

Актуальность темы обусловлена возможностью использования результатов настоящего исследования при дальнейшей научной разработке проблем промышленной политики советского государства, привлечения трудовых ресурсов для освоения золотоносных территорий Сибири, повышения уровня социальной инфраструктуры трудящихся. Несмотря на огромный вносимый старателями вклад в развитие золотодобывающей отрасли, исследованию их правового положения правовой наукой не было уделено достаточное внимание. Исторический опыт развития золотопромышленных отношений дает богатый аналитический материал, имеющий не только историко-познавательное, но и во многом практическое значение. Анализ многолетней практики может оказать помощь в конструировании современных институтов золотодобычи, совершенствовать экономический сектор региона и страны.

С момента открытия золота на территории Бодайбинского района уже более полутора столетий исключительно добыча валютного металла служит основой его жизнедеятельности. При этом один из старейших золотопромышленных центров России отличается от других золотодобывающих регионов страны редкой стабильностью уровня добычи драгметалла, что свидетельствует об уникальности Ленского золотоносного района [1, с.11].

Старательская добыча занимает особое место в развитии российской золотодобывающей промышленности, существенно корректируя основные направления государственной политики в сфере золота. Возможность увеличения золотого запаса страны в короткие сроки без значительных затрат всегда оставалась привлекательной, вне зависимости от экономических или политических реалий. Тем не менее, в этом секторе золотодобычи сфокусировано большинство противоречий и попыток непоследовательных государственных преобразований, что актуализирует изучение проблемы старателей как социального и культурного феномена.

Деятельность старателей Бодайбинского района и их роль в развитии края неоднократно рассматривалась краеведами, историками, политиками, социологами. Существенный исторический вклад на региональном уровне внесли работы Шолоховой Л.С. и Вендрих Г.А., геолога Щарапова И.П., документальный сборник Поспелова и Серебровского. Однако государственная политика по формированию правового статуса старателей остается малоизученной.

Предметный интерес представляет определение ключевого понятия «старатель», смысл которого изменялся с развитием золотодобывающей промышленности, а в отдельные периоды оставался расплывчатым и неопределенным. До 1864 года в России старателями назывались вольные рабочие казенного или частного золотого промысла, занимавшиеся золотодобычей на уже отработанных месторождениях или на участках с сомнительным содержанием. Кроме того, термин «старатель» использовался в отношении приисковых рабочих, добывавших золото кустарным способом за счет своих средств в одиночку или в составе артели и получавших установленную плату с каждого золотника [2]. Применительно к Восточной и Западной Сибири старателями признавались частные лица привилегированных сословий или «золотознатцы», в 1838 году получившие право производства поисков, разведки и разработки золотых месторождений на казенных землях. Но в реальности государственные земельные участки (приисковые отводы) редко обрабатывались самими дворянами, а были ключом к использованию права своеобразной земельной ренты [3, с.10].

За несколько лет Витимско-Олекминский район из рук пионеров-одиночек с кайлами и шлиховыми лотками «перешел» в руки купечества. Так, в 1896 году появилось на свет крупнейшее и влиятельнейшее «Ленское золотопромышленное товарищество» для краткости также именуемое «Лензото». Уже к 1912 году сформировалось несколько влиятельных групп акционеров, заинтересованных в контроле над крупнейшей российской золотодобывающей компанией, в том числе со стороны англо-русского акционерного общества. С одной стороны, происходил конфликт интересов русского и британского бизнеса в правлении, с другой – представителя управляющей компании (и бывшие владельцы) «Лензото» пытались не допустить фактического контроля над приисками со стороны англичан [4, с. 53].

Стоит отметить, что местное самоуправление в дореформенный период строилось в полном соответствии с системой крепостнического хозяйствования. Центральной фигурой в нем оставался помещик, сосредоточивший в своих руках экономическую, административно-судебную и политическую власть над своими крестьянами. Дореформенная система местного самоуправления отражала преимущественно интересы дворянско-помещичьего класса. Преобладающие в ее деятельности принципы бюрократизма и централизма не учитывали реальных нужд местного населения, местной промышленности, рабочих и торгового оборота [5, с. 34]. Проведенная в 1864 году земская реформа наглядно высветила все свои недостатки, отразившиеся на общем состоянии сибирской промышленности: отсутствие эффективного исполнительного аппарата и достаточного собственного финансирования. Таким образом, хищническое завладение Ленскими золотодобывающими предприятиями – это закономерный ответ земской системе, усилившей зависимость промышленности от правительственных органов. Ситуация усугублялась также очень сложным и долгим вхождением Сибири в правовую систему Российской Империи, которая подверглась изменениям благодаря преобразованиям 1864 года. Фактически сибирский край (Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток) был одним из последних регионов, на который распространялись Судебные Уставы, преследовавшие две главнейшие задачи: создание современных институтов судостроительства и судопроизводства и интеграция родового управления и обычаев в юридические механизмы Российской Империи [6, с. 64].

Исходя из сложившейся политики, в послереформенные годы вплоть до революционных восстаний начала XX века старательство эволюционировало в сверхурочную повинность для приисковых рабочих, заключивших контракт с золотопромышленником.

Долгое время главным источником рабочей силы была беднота сибирских деревень. Но по мере того, как увеличивалось количество приисков и, следовательно, возростала потребность в рабочей силе, сибирская деревня при очень слабой заселенности Сибири не могла уже полностью покрыть спрос на рабочие руки. Попытки золотопромышленников использовать труд каторжан (последние работали на ряде приисков с 1872 по 1884 год) не дали существенных результатов, не дали той прибыли, которую давали вольнонаемные рабочие. С 80-х гг. основную массу рабочих начинают составлять крестьяне великорусских губерний: Пермской, Нижегородской, Симбирской, Тамбовской, Саратовской, Орловской и других. Наем 1898 года дал рабочих из 60 губерний России [7, с. 13].

Правовое положение рабочих Бодайбинского золотодобывающего сектора было крайне угнетенным. Обманутые предпринимателями, рабочие перевозились через Иркутск до Качуга и дальше по рекам Лене и Витиму в г. Бодайбо, а оттуда – на прииск Надеждинский, где помещалось главное промысловое управление «Лензото». У рабочих сразу же отбирались паспорта. С этого времени и до конца контракта человек терял свое имя и становился номером согласно номеру расчетной книжки. Старатель не имел права требовать расчета до окончания срока договора, однако мог быть уволенным по следующим причинам: а) за неспособность к работе; б) за неявку на работу более трех дней сряду без уважительных причин; в) за леность; г) за дерзость или дурное поведение; ... е) за сборище толпами, угрожающее порядку и спокойствию; ж) за всякое вообще нарушение с нашей стороны в чем-либо настоящего договора [7, с. 14]. Такая дискриминация старателей наглядно показала всю незрелость и экономическую отсталость Российской Империи, огромную роль на всю промышленность сыграли расслоение крестьянства, новые экономические ориентации помещичьих хозяйств, что вызвало в конечном итоге массовое общественное движение в стране.

Существенные преобразования в старательском статусе, хотя и весьма неопределенные по содержательному аспекту, сохранялись в первые годы советской власти. Предшествовало этому национализация большевистской властью в 1917-1921 гг. земли, ее недр и практически всех отраслей промышленности и сельского хозяйства. В течение ноября 1917 – марта 1918 гг. в целом по стране в собственность государства было отчуждено 836 предприятий. К июню 1918 года было национализировано 1535 предприятий [8, с. 15].

Декрет СНК РСФСР от 31 октября 1921 года «О золотой и платиновой промышленности» [9, с. 604] предоставил всем гражданам РСФСР, кооперативам, артелям и прочим объединениям право вести поиски, разведку и добычу золота на отведенных территориях. Государство определяло очередность, сроки допущения частной инициативы, правила работы, порядок сдачи золота в государственные приемные пункты. Старатели, золотничники, рабочие и служащие частных приисков в отношении трудовой и гужевой повинности были приравнены к рабочим и служащим государственных золотодобывающих предприятий, что позволяло считать их рабочими-сдельщиками и распространять на них все постановления по труду и социальному страхованию. Плата за сдаваемое старателями золото являлась заработной платой. Стабильные социально-трудовые гарантии старателям были совершенно новым этапом в разрушенном капиталистическом мире. Но согласно постановлению ВЦИК и СНК от 30 июня 1924 года «О порядке заключения арендных договоров на сдачу приисков в аренду старателям и старательским артелям», с появлением новых организационных форм (государственных трестов) старатели признавались уже не рабочими, а мелкими арендаторами. Следовательно, отношения строились на основании договора аренды, а не договора личного найма, что не предполагало социальных выплат старателям [2].

Однако все же самым уязвимым местом в планомерном развитии золотопромышленности вплоть до 1925 года являлось отсутствие достойных условий для трудящихся, на которых государство уповало как на первоосновную силу подъема промышленности. Резкое снижение количества добываемого золота в г. Бодайбо, инфляционный застой страны, скудное довольствие рабочих, неопределенность в правовом положении старателей и отсутствие у них льгот решительно требовало скорейших правительственных мер. Реакция государства была однозначной: на II Всесоюзной производственной конференции 23-28 января 1930 года решено коренным образом изменить отношение к старателям [10, с. 11].

Реакционным Постановлением СНК СССР № 829/160с от 26 апреля 1933 года предусматривались удешевление товаров в приисковых районах и создание приемлемых жилищных условий, медицинского и культурного обслуживания. Постановлением ЦИК и СНК от 27 мая 1934 года установлен правовой статус и закреплены льготы старателям в виде предоставления участка по указанию старателя или премирование за нахождение богатых участков. Заработок освобождался от обложения общегосударственными и местными налогами и сборами, обслуживание в медико-санитарных и социально-бытовых учреждениях старатели должны обслуживаться наравне с рабочими. В дальнейшем, постановлениями Секретариата ВЦСПС 1934 и 1937гг. старатели подлежали полному социальному страхованию [2]. В кратчайшие сроки благодаря интенсивной золотодобывающей промышленности экономика государства достигла небывалых успехов.

Однако получив желаемые результаты, государство приняло ряд решительных мер по снижению затрат на добычу золота, и Постановлением Совета Министров от 9 февраля 1950 года закрепило старателей на государственных работах, лишило их прежних льгот. Только лишь Положением о старательской добыче золота в системе Министерства цветной металлургии СССР от 1 апреля 1973 года было регламентировано правовое положение старателей, установлено социальное страхование, торговое, культурное, бытовое, медицинское обслуживание на общих основаниях, проработан вопрос о трудовом стаже и налоговых отчислениях [2].

Подводя итог настоящего исследования можно сделать однозначный вывод о том, что сохранение сектора старательской золотодобычи определялось его способностью в короткие сроки без значительных затрат давать стране дешевое золото. Попытки преобразования и ликвидации этой формы оказались неудачными. Динамика изменений правового положения старателей определялась взаимоисключающими тенденциями: установлением преимуществ и льгот и ужесточением контроля. Ограничение привилегий старателей неоднократно приводило к уменьшению добычи золота (например, по отчетам правления акционерного общества «Ленское золотопромышленное товарищество за 1912-1913гг. стачечные забастовки 1911-1912гг. дали убытки в 1 283 278 рублей по сравнению с полученной прибылью операций 1907-1908гг. в 1 997 604 рублей, 1908-1909гг. в 4 908 852 рубля, 1909-1910гг. в 6 812 626 рублей) [7, с. 13,53]. В настоящее время также нередки случаи обмана и дискриминации трудящихся, наблюдаются случаи более низкой оплаты труда, экономии на охране труда и социальном пакете, ограничения в социальных и гражданских правах. Особенно такая тенденция стала возможна в отношении мигрантов, состоящих преимущественно из сезонных рабочих, особенно нелегальных. Искоренение порочного «надувательства» старателей и недопущение ошибок минувших государственных золотопромышленных преобразований, а также возможность восстановления частного золотодобывающего промысла – вот основная цель настоящего

исследования, поскольку эффективность работы старательских артелей обусловлена преобладанием социальной поддержки, экономических стимулов и личной заинтересованности.

Список использованной литературы:

1. В.А. Ершов «Основные итоги 165-летнего освоения Ленского золотоносного района», журнал «Золотодобывающая промышленность» №6-2011;
2. Е.Д. Кочегарова, «Старатели в советской золотодобывающей промышленности: становление социально-правового статуса», Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), № 6(26), 2013, веб-сайт www.journal-s.org;
3. И.П. Шарапов, «Очерки по истории Ленских золотых приисков», Иркутск, 1949г.;
4. О.Н. Разумов, «Из истории взаимоотношений российского и иностранного акционерного капитала в сибирской золотопромышленности в начале XX века», Барнаул, 1995 год;
5. И.А. Исаев, «История отечественного государства и права», учебник для бакалавров, Москва, 2013 год;
6. В.М. Деревскова, «Проблемы интегрирования Восточной части страны в правовую систему Российской Империи во второй половине XIX века», публикация в Сборнике материалов 2-ой всероссийской научно-практической конференции, 2010 года;
7. Л.С. Шолохова, Г.А. Вендрих, «На Лене-реке», 1984 год;
8. А.А. Николаев «Органы управления государственной промышленностью в Сибири: функции и сферы регулирования (декабрь 1919-1932гг.)// Гуманитарные науки в Сибири. 2006, № 2;
9. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, 1921, № 74;
10. Материалы II Всесоюзной производственной конференции по золотоплатиновой промышленности. Иркутск, 1930 год;

© С.Г. Маслова, 2014

УДК 343.22

Е.В. Немчинов

студент юридического факультета
Новосибирский государственный технический университет
г. Новосибирск, Российская Федерация

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗАДАНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

На современном этапе исторического развития одну из главных угроз для национальной безопасности, социально-экономической стабильности российского государства представляет организованная преступность. Преступления, совершаемые организованными криминальными объединениями, не только влекут за собой тяжкие, порой необратимые последствия, но и создают обстановку нервозности граждан, их неуверенности в своей безопасности и возможностях государственной власти по ее обеспечению [1, с. 4].

Как показывает опыт, к числу наиболее действенных и эффективных мер, направленных на борьбу с организованной преступностью, относится применение такого оперативно-

следственного мероприятия как оперативное внедрение (п. 12 ч. 1 ст. 6 ФЗ №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Между тем одним из серьезных препятствий при его осуществлении является проблема правового обеспечения действий внедряемых лиц. В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что негласная деятельность лиц, выполняющих специальные задания, сопровождается не только получением информации о преступной деятельности, но и имитацией или даже непосредственным участием в противоправных деяниях, при вынужденном совершении которых данные лица подлежат правовой защите. Как верно указывают С.В. Пархоменко и Е.В. Радченко, потребность в такой защите обусловлено тем, что в целях эффективного выполнения возложенных задач (добывание информации о планах и замыслах преступной структуры, способах и средствах их реализации, оказания на ее деятельность оперативного воздействия) внедренным лицам необходимо пользоваться доверием ее руководителей и участников. Для этого лицам, выполняющим специальные задания в криминальной инфраструктуре, требуется «вжиться в роль», быть адаптированным к среде внедрения, что предполагает имитацию преступной деятельности или реальное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам [2, с. 43].

Анализ состояния существующих условий юридической защиты внедряемых лиц показывает, что на сегодняшний день единственным правовым основанием вынужденного причинения вреда при осуществлении специального задания является положение, предусмотренное ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», которое сводится к следующему: «при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда охраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга». При этом в упомянутой норме не указывается, какой тяжести вред может быть причинен охраняемым интересам, в какой реальной ситуации это возможно и, самое главное, какие правовые последствия могут наступить при совершении подобных действий [3, с. 168].

Таким образом, думается, что само по себе наличие такого правового предписания (тем более в том виде, в каком оно существует в данный момент) в действующем законодательстве для обеспечения должного уровня правовой защиты лиц, выполняющих специальные задания, явно не достаточно.

В этой связи, представляется целесообразным поставить вопрос о законодательном закреплении (признании) в российском уголовном праве такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как вынужденное причинение вреда при выполнении специального задания. При этом следует упомянуть, что подобная практика широко применяется в зарубежном уголовном законодательстве. Так, по пути признания института вынужденного причинения вреда пошли многие зарубежные страны (ст. 38 УК Республики Беларусь, ст. 32 УК Литвы, ст. 34-1 УК Республики Казахстан, ст. 43 УК Украины, ст. 13.2 УК Эстонии) [4, с. 33].

На основании изложенного рекомендуется дополнить УК РФ статьей 42.1 «Причинение вреда при выполнении специального задания», представленной в следующей редакции:

«1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, внедренным в преступную группу (организацию) и выполняющим в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению, пресечению или раскрытию преступлений в случаях, если того требуют обстоятельства.

2. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, выступающему в роли организатора или подстрекателя совершения преступления, а равным образом совершившему тяжкое или особо тяжкое преступление, сопряженное с посягательством на жизнь и (или) здоровье человека».

Список использованной литературы:

1. Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности : Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 2013. - 59 с.
2. Пархоменко С.В., Радченко Е.В. О необходимости законодательной регламентации в Уголовном кодексе России причинения вреда при выполнении специального задания // Социальные и гуманитарные науки на дальнем востоке. - 2012. - № 4 (36). - С. 42-45.
3. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. - Спб., 2003. - 217 с.
4. Савинский А. Мнимое соучастие как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Законность. - 2005. - № 10. - С. 32-33.

© Е.В. Немчинов, 2014

УДК 349

Е.И.Павлова А.В. Ромашова

Преподаватель, студентка Хакасского филиала
Московского государственного
университета экономики,
статистики и информатики (МЭСИ)
г.Абакан, Российская Федерация

ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ

В настоящее время, по различным данным, в России на 2013 – 2014 год без попечения родителей остались 116 тысяч таких детей. Наиболее благоприятным способом устройства лиц, нуждающихся в уходе или воспитании, является проживание в семье родных и близких, а также в замещающих семьях. Опекa (попечительство) была и остается наиболее значимой правовой формой устройства граждан. В этой форме заложен огромный положительный потенциал, позволяющий устроить судьбу ребенка, с одной стороны - наиболее приближенным к проживанию в семье, а с другой стороны - обеспечивающим контроль за соблюдением его прав и интересов.

Решение этой проблемы государство возлагает на институт опеки и попечительства, работу которого регулируют Гражданский и Семейный Кодексы РФ, а также Федеральные Законы.

Согласно ч. 1 ст. 121 СК РФ органы опеки и попечительства являются единственными органами, в обязанности которых входит забота о детях, оставшихся без попечения родителей.

С помощью опеки и попечительства государство защищает как личные, так и имущественные права, интересы граждан, которые сами сделать это не могут, а для несовершеннолетних опека (попечительство) - еще и способ их устройства на воспитание в семью.

С учетом п. 3 ст. 31 ГК РФ опека устанавливается над малолетними в возрасте до 14 лет, когда такие граждане остались без попечения родителей. Федеральный закон от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» дает толкование словосочетанию «дети, оставшиеся без попечения родителей». К их числу отнесены дети в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения родителей в связи с отсутствием родителей или лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах; признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), нахождением их в лечебных учреждениях, объявлением их умершими, отбыванием ими наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений; уклонением родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, отказом родителей взять своих детей из воспитательных, лечебных учреждений, учреждений социальной защиты населения и других аналогичных учреждений и в иных случаях признания ребенка оставшимся без попечения родителей в установленном законом порядке[3,с.38]. Следует, что перечень детей, оставшихся без родительского попечения, не исчерпывающий.

Разграничение понятий опеки и попечительства не имеет существенного значения в сфере воспитания и образования подопечных детей, но важно в сфере защиты опекунами (попечителями) их личных и имущественных прав и интересов, что во многом определяется различиями в содержании дееспособности несовершеннолетних в возрасте до четырнадцати лет и от четырнадцати до восемнадцати лет. В гражданско-правовой сфере опека и попечительство рассматриваются как способы восполнения дееспособности граждан (частичной или неполной). Как известно, малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать только весьма ограниченный круг сделок: мелкие бытовые сделки, сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации, а также сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с его согласия третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения. Все остальные сделки за несовершеннолетних, не достигших возраста четырнадцати лет, совершает его опекун как законный представитель[1,с.98].

На практике опекунами (попечителями) чаще всего назначаются близкие родственники ребенка (дедушка, бабушка, тетя, дядя, брат, сестра и т. п.), тогда удается наиболее оптимально учесть требования к личности опекуна (попечителя) и желание самого ребенка. Однако и в этом случае закон не делает каких-либо исключений, позволяющих принять решение о назначении родственника ребенка его опекуном (попечителем) при наличии предусмотренных законодательством препятствий.

Орган опеки и попечительства может назначить ребенку опекуна (попечителя) и по просьбе самих родителей, если они по каким-либо причинам (длительная командировка, болезнь и т. п.) не могут лично осуществлять воспитание ребенка. При этом родители могут предложить органу опеки и попечительства кандидатуру опекуна (попечителя).

Права и обязанности опекуна (попечителя) возникают с момента вынесения органом опеки и попечительства решения о его назначении. Опекуну (попечителю) выдается опекунское удостоверение, ему разъясняются его права и обязанности, передаются необходимые документы подопечного. В дальнейшем орган опеки и попечительства обязан осуществлять постоянный контроль за деятельностью опекунов (попечителей) и оказывать им необходимую помощь в воспитании подопечных и решении других вопросов.

Благодаря совместным усилиям Минобразования, так и органов опеки и попечительства в Республики Хакасия за 2013 достигнуты следующие положительные результаты в этом направлении: на 15 % уменьшилась численность сирот, состоящих на учете в региональном банке данных; сократилось число сирот, выявляемых в течение года, более чем на 23 %; произошло снижение доли сирот в общей численности детского населения республики; на 30 % меньше стало число возвратов детей из замещающих семей; снизилось на 27 % количество граждан, лишенных родительских прав.

Кроме того, в семьи граждан устроены 405 сирот, что соответствует наполняемости 6 детских домов. Число приемных семей стало на 8 больше.

На 12,5 % возросла численность граждан, состоящих на учёте в региональном банке данных, желающих принять детей на воспитание в свои семьи. Охват сирот семейными формами устройства - 90 %.

В республике неуклонно происходит снижение общей численности сирот. Так, за прошедший год количество сирот в республике уменьшилось на 111 несовершеннолетних и по состоянию на 1 января текущего года составляет 3388 человек. На учете в банке данных состоит 324 сироты.

Число граждан, состоящих на учёте в банке данных, желающих принять детей на воспитание в семьи, за 2013 год увеличилось на 9 человек.

В Хакасии функционирует 5 организаций для детей-сирот, в которых воспитываются 195 несовершеннолетних, из которых 39 детей дошкольного возраста. [4,с.9]

Вопросы профилактики безнадзорности и социального сиротства детей, укрепления института семьи являются одним из основных направлений деятельности Правительства Республики Хакасия и органов местного самоуправления. В настоящее время в республике действует более 20 нормативных правовых актов, регламентирующих данную деятельность. Особенности деятельности органов опеки и попечительства на современном этапе в Республике Хакасия является размещение информации о детях сиротах в источниках, доступных широкому кругу лиц:

- на телевидении и радио (ролики социальной рекламы, специализированные программы, которые посвящены вопросам защиты прав детей, оставшихся без попечения родителей); в сети Интернет; в печатных средствах массовой информации; в буклетах, брошюрах, распространяемых бесплатно;

- в общественных местах, в государственных, муниципальных и негосударственных учреждениях, организациях, предприятиях (на улицах, в транспортных средствах, организациях культуры, досуга), зданиях местных администраций, в почтовых отделениях, отделениях Сбербанка и т.д., в том числе в виде объявлений, наружной рекламы (плакатов, стендов или иных технических средств).[4,с.15]

Органы опеки и попечительства принимают участие в реализации 12 муниципальных программ, направленных на профилактику социального сиротства и жестокого обращения с детьми.

На 01.11.2013 доля сирот составляет 3,3% в общей численности детского населения. За последние три года удалось достичь определенных положительных результатов. Так, в Республике Хакасия уменьшилось:

- на 13% (с 325 до 284 человек) число сирот, выявляемых в течение года;
- на 23% (с 683 до 528 семей) число семей, находящихся в социально опасном положении;
- на 26,4% (со 518 до 381 человека) число детей, нуждающихся в устройстве на воспитание в семьи, состоящие на учете в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей.

В Хакасии по состоянию на 01.11.2013 учтено 2339 замещающих семей (3590 сирот), в том числе 499 приемных семей (1194 ребенка). Из общего числа несовершеннолетних сирот 1885 человек находятся под безвозмездной опекой.

За последние три года увеличилось:

- на 17% количество сирот, переданных в семьи;
- на 30% численность усыновленных детей;
- на 5% число приемных семей.

Охват сирот семейными формами устройства в Хакасии составляет 90%.

В республике создана система социально-психолого-педагогического сопровождения замещающих семей, ключевая роль в которой принадлежит службам сопровождения замещающих семей, действующим при органах опеки и попечительства с 2008 года. В Службах работают 35 специалистов, оказывающих консультационные, организационно-методические, психолого-педагогические услуги.[5,с.31]

В системе образования Республики Хакасия функционируют пять организаций для сирот: три детских дома и две специальные (коррекционные) школы-интерната для сирот с ограниченными возможностями здоровья. Данное количество организаций является оптимальным и обеспечивает обучение, воспитание и содержание 198 несовершеннолетних, имеющих статус сирот, из которых 46 детей дошкольного возраста. Из общего числа воспитанников 13% являются сиротами (26 человек), 87% – дети, оставшиеся без попечения родителей (172 человека).

Главными целями в работе органов государственной власти, местного самоуправления, институтов гражданского общества Республики Хакасия в сфере профилактики социального сиротства следует считать: создание условий для развития семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, и укрепление института семьи.[5,с.22]

Ведущими перспективными задачами на 2014–2018 годы являются:

- дальнейшее развитие и закрепление норм права, регулирующих деятельность по семейному устройству сирот;
- развитие семейных форм устройства сирот, профилактика возвратов детей из опекунских и приёмных семей, совершенствование процедур отбора и подготовки кандидатов в замещающие родители;
- организация информационно-просветительского и научно-методического обеспечения мероприятий по семейному устройству сирот;
- осуществление мероприятий по организационному и материально-техническому обеспечению оптимизации сети и структуры организаций для сирот;
- установление мер по стимулированию руководителей организаций для сирот к расширению форм и методов семейного устройства воспитанников.

Список использованной литературы:

- 1) Федеральный закон от 24.04.2008г. №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»
- 2) Федеральный закон от 16.04.2001 г. N 44-ФЗ « О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей»
- 3) Федеральный закон от 21.12.1996г. №159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».
- 4) Закон Республики Хакасия от 29.11.1999 N 68-ЗРХ «О размере вознаграждения, причитающегося приемным родителям, и мерах социальной поддержки, предоставляемых приемной семье».

5) Закон Республики Хакасия от 15.08.2005 N 55-ЗРХ «О социальной поддержке детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

© Е.И.Павлова, А.В.Ромашова, 2014

УДК: 347.633

М.С. Степанова

магистрант 1 года обучения по направлению «Юриспруденция»
Тюменский государственный университет
(г. Тюмень, Российская Федерация)

Научный руководитель: О.А. Теплякова, кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и муниципального права

РОЛЬ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ УСЫНОВЛЕНИЯ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ

Необходимость защиты прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей и передаваемых на воспитание в семьи, проживающей за пределами России, требует особого подхода к процедуре международного усыновления. В соответствии с принципами Конвенции о правах ребенка в российском законодательстве определено, что ребенку для всестороннего и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении. Многолетняя практика показала, что усыновление является наиболее предпочтительной формой устройства ребенка, оставшегося без родителей. Только оно способно в полной мере обеспечить детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие [3].

Усыновление (удочерение) – это такой юридический акт, в силу которого между усыновленным ребенком и лицами, принявшими его на воспитание, устанавливаются личные и имущественные отношения, идентичные отношениям между родителями и детьми. Основные положения, касающиеся международного усыновления, закреплены в Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. (ст. ст. 20, 21). Это, во-первых, признание его в качестве альтернативного способа ухода за детьми, лишенными семейного окружения, допустимого лишь тогда, когда "обеспечение какого-либо подходящего ухода в стране происхождения ребенка является невозможным". Во-вторых, отнесение решения вопроса об усыновлении к ведению компетентных органов государства. В-третьих, необходимость, чтобы при усыновлении в другой стране относительно ребенка применялись те же гарантии и нормы, которые используются при внутригосударственном усыновлении. И, наконец, в-четвертых, недопущение, чтобы устройство ребенка приводило к получению неоправданных финансовых и иных выгод связанными с усыновлением лицами.

Эти принципы были в полной мере восприняты и закреплены в тексте специально посвященной вопросам международного усыновления Гаагской конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления от 29 мая 1993 года. В ней употребляется термин "иностранное усыновление", в целом созвучный термину "международное усыновление". Иностранное усыновление имеет место, "когда ребенок, постоянно проживающий в одном договаривающемся государстве ("государство происхождения"), переехал, переезжает или должен переехать в другое договаривающееся государство ("принимаящее государство")" (п. 1 ст. 2 Конвенции).

Последние годы нашу страну все чаще сотрясают скандалы, связанные с усыновлением российских детей иностранцами. Большой общественный резонанс вызвал проект «закона Димы Яковлева», запрещающий гражданам США усыновлять российских сирот. Современная российская политика направлена на постепенное сокращение числа детей, переданных на международное усыновление, за счет развития системы стимулирования граждан Российской Федерации к усыновлению, различных форм опеки и попечительства [4].

Процесс усыновления иностранными гражданами является многогранным. Помимо проблемы применения права того или иного государства, решаемой в коллизионных нормах, возникают вопросы, связанные с процедурой усыновления. Порядок усыновления, в частности рассмотрение судами дел об усыновлении, определяется российским законодательством.

Порядок усыновления включает в себя несколько этапов:

- подготовительный этап (утверждение и подготовка кандидатов в усыновители, подбор ребенка);
- судебное разбирательство (рассмотрение заявления об усыновлении конкретного ребенка и вынесение судебного решения);
- последующий контроль за адаптацией усыновленного ребенка в семье усыновителей.

В Российской Федерации важную роль на первых двух этапах играют органы опеки и попечительства. В соответствии со ст. 6 Федерального закона «Об опеке и попечительстве» полномочиями по организации и осуществлению деятельности по опеке и попечительству наделены органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Органы местного самоуправления могут наделяться законом субъекта Российской Федерации полномочиями по опеке и попечительству с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств.

В рамках своей деятельности по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, органы опеки и попечительства ведут учет иностранных граждан и лиц без гражданства, желающих усыновить детей, являющихся гражданами Российской Федерации. Наиболее проблемным с практической точки зрения вопросом на данном этапе является законодательно установленный принцип приоритета российских граждан перед иностранными гражданами в усыновлении несовершеннолетних детей [2]. К сожалению, практика показала, что отсутствие надлежащего контроля со стороны органов опеки и попечительства за процедурой учета детей-сирот, оставшихся без попечения родителей, в журналах приводит к сознательному «затягиванию» предоставления любой информации о детях потенциальным российским усыновителям. Несмотря на закрепленный в Семейном кодексе их приоритет, фактически иностранные граждане пользуются определенными привилегиями при усыновлении при усыновлении с российскими гражданами. Только в 2012 году в России доля иностранцев-усыновителей превысила 30 %.

В рамках этого же этапа органы опеки и попечительства организуют психолого-педагогическую и правовую подготовку будущих усыновителей по утвержденной органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации программе.

Реализация данного направления требует планирования на регулярной основе работы по информированию населения о возможностях семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Усыновленные дети переезжают в

другую страну с определенными навыками поведения, набором понятий, привитых в другой стране. В чужом окружении ребенок испытывает психологический дискомфорт. Цель деятельности органов опеки и попечительства состоит не только в том, чтобы ребенок приобрел семью, но и в том, чтобы его интересы были максимально учтены, что включает в себя культурную, этническую или национальную принадлежность, которые должны быть учтены при усыновлении.

На втором этапе орган опеки и попечительства является обязательным участником судебного заседания и предоставляет в суд заключение об обоснованности усыновления и его соответствии интересам усыновляемого с указанием сведений о факте личного общения усыновителей с усыновляемым ребенком. Орган опеки и попечительства, защищая интересы ребенка, непосредственно влияет результат судебного разбирательства и исполняет его решение.

Пунктом 3 ст. 165 СК РФ предусматривается, что защита прав и законных интересов детей, являющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства, за пределами территории Российской Федерации, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации, осуществляется в пределах, допускаемых нормами международного права, консульскими учреждениями Российской Федерации, в которых указанные дети состоят на учете до достижения ими совершеннолетия [2]. Вмешательство органов опеки и попечительства Российской Федерации на данном этапе может нарушать права иностранных граждан – усыновителей и решается дипломатическими методами на уровне федеральных органов государственной власти.

Системные проблемы в работе органов опеки и попечительства, а также координации деятельности ведомств, отвечающих за соблюдение прав и законных интересов детей после их усыновления, выявили трагические истории пострадавших детей, переданных на иностранное усыновление. Дети это будущее нашего государства, и от того в какой стране они будут жить, зависит завтрашний день всего общества. Очевидно назрела необходимость создания новых механизмов защиты прав детей и системного совершенствования работы органов опеки и попечительства в Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Конвенция о правах ребенка: принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.
2. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 N 223-ФЗ // Российская газета. № 17. 27.01.1996.
3. "ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения" утв. Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 N 532-ст // Москва. Стандартинформ. 2006.
4. Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы" // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 23 ст. 2994.
5. Жарова О.В. Роль органов опеки и попечительства в международном усыновлении // Юриспруденция . 2010. №3. С.142-145.

© М.С. Степанова, 2014

К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ ИНСТИТУТА ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В январе 2014 года на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» (далее — законопроект) [1, с.1]. В законопроекте предлагается включить в статью 5 УПК РФ пункт 22.1, содержащий определение понятия объективной истины, ввести статью 16.1 под названием «Установление объективной истины по уголовному делу» и дополнить нормы касающиеся возможности возвращения судом дела прокурору для восполнения неполноты предварительного расследования. Также в тексте законопроекта содержатся положения, существенно повышающие степень активности суда в доказывании.

Представляется, что на данный момент введение института объективной истины нецелесообразно по следующим причинам.

1. Положения законопроекта противоречат нормам УПК РФ о бремени доказывания (в частности взаимосвязанным положениям п.п.1 и 2 ч.1 ст.299 и ч. 2 ст. 14 УПК РФ) [2, с. 4921]. Законопроект содержит следующую формулировку: «при наличии сомнения в истинности мнения сторон суд принимает все необходимые меры к установлению действительных фактических обстоятельств уголовного дела в целях обеспечения отправления справедливого правосудия» (ст. 16.1). Однако, исходя из распределения бремени доказывания, а также ч. 3 ст. 49 Конституции РФ [3, ст. 4398], бремя доказывания лежит на стороне обвинения и именно она должна доказать виновность обвиняемого и представить свою позицию так, чтобы сомнений, возникающих у суда в результате представления стороной защиты доказательств, «не вписывающихся» в версию правоохранительных органов не возникало. Суд осуществляет исключительно функцию отправления правосудия и не должен подменять сторону обвинения.

2. Позиция авторов законопроекта по вопросу о применении презумпции невиновности является неприемлемой ввиду следующего. Как указано в пояснительной записке она «может быть применена лишь в случае невозможности достижения по делу объективной истины и только после принятия исчерпывающих мер к ее отысканию» [4, с.3]. Такая позиция не соотносится с уголовно-процессуальной доктриной, а также прямо противоречит ч.1 ст.49 Конституции РФ (в отношении обвиняемого уже действует презумпция невиновности, т.е. на протяжении всего процесса до момента своего опровержения, вне зависимости от предпринимаемых мер по поиску «объективной истины»).

3. Не соответствуют правовым позициям Конституционного суда РФ и изложенные в законопроекте новеллы об устранении неполноты доказательственной базы и о возможности возвращения судом дела прокурору для восполнения неполноты предварительного расследования (предложенное дополнение частью 3 ст. 252 и п. 1 ч. 1.1 ст. 237 УПК РФ). КС РФ неоднократно высказывался в своих решениях о недопустимости восполнения неполноты следствия/дознания по инициативе суда. Например, в постановлении КС РФ от 20.04.1999 № 7-П [5, с. 2205] указывается, что «суд, сам

иницируя продолжение следственной деятельности по обоснованию обвинения, по сути, выполняет не свойственную ему обвинительную функцию. Возвращение дела для дополнительного расследования в связи с указанными основаниями при отсутствии соответствующих ходатайств сторон, т.е. если ни обвинение, ни защита не настаивают на этом, может отражать только интересы обвинения, так как тем самым обеспечивается восполнение недостатков именно обвинительной деятельности в ситуации, когда ни прокурором, ни потерпевшим сомнения в доказанности обвинения не устраняются (в том числе в судебном заседании)».

4. Также некоторые положения самого законопроекта противоречат друг другу (в частности, положения, предлагаемые для внесения в ст. 237 УПК - п. 5.1 ч. 1 и п. 1 ч. 1.1) [2, с. 4921].

Хотелось бы обратить внимание на одно из возможных последствий введения рассматриваемого института. В юридическом обороте уже существует термин «доказанность». Одновременное введение термина «объективная истина» приведет к возникновению иллюзии, что обстоятельства дела могут устанавливаться не только посредством доказательств, но и с помощью иных средств (житейского опыта, внутреннего убеждения, интуиции и т.д.). Возможно, вместо введения понятия объективной истины следует воспользоваться иной терминологией: «всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств дела», «доказывание» и «доказанность».

Таким образом, анализируемый законопроект не только не решает тех проблем, для преодоления которых он предназначался, но и порождает новые вопросы (например, законопроект обходит вопрос о существовании особого порядка судебного разбирательства), в частности, его соответствии УПК РФ и правовым позициям КС РФ.

Список использованной литературы:

1. Законопроект № 440058-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу»//Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=440058-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=440058-6) (дата обращения 23.09.2014).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2014)// Собрание законодательства РФ, 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993)// Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
4. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу»// Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=440058-6](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=440058-6) (дата обращения 23.09.2014).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.04.1999 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 3 части первой статьи 232, части четвертой статьи 248 и части первой статьи 258 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросами Иркутского районного суда Иркутской области и Советского районного суда города Нижний Новгород»// Собрание законодательства РФ, 26.04.1999, № 17, ст. 2205.

© Ю.А. Тымчук, 2014

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ЗЕМЛИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

По общему правилу, представленному в научной литературе под «реализацией права» понимается процесс воплощения правовых норм субъектами права [2].

В.С. Нерсесянц, говоря о реализации права, указывал, что «право выступает в качестве высшей социальной ценности, но лишь тогда, когда его принципы и нормы воплощаются в жизнь, реализуются в действиях субъектов социального общения. В правовом обществе народ, с одной стороны, и государство — с другой, принимают на себя обязательство следовать праву» [12, с. 417-418].

Основываясь на вышеизложенном, под реализацией земельно-правовых норм понимается практическое воплощение в жизнь содержащихся в этих нормах правовых предписаний и обеспечение правомерного поведения участников земельных правоотношений.

Принципы земельного права, являясь руководящими положениями, определяют общую направленность в регулировании отношений, связанных с использованием и охраной земли в Российской Федерации как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. В некоторых случаях, сложность реализации принципов земельного права обусловлена тем, что отсутствие законодательного оформления некоторых принципов земельного права (например, доктринальных принципов земельного права) не позволяет говорить об их определяющем значении для регулирования земельных отношений. Следовательно, рассматривая реализацию принципов земельного права, необходимо иметь в виду те принципы земельного права, которые прямо сформулированы в нормативных правовых актах, именно они имеют принципиальное значение для правотворческой и правоприменительной деятельности.

Реализация земельно-правовых норм и воплощение принципов земельного права в жизнь предполагает необходимость существования определенного механизма, позволяющего обеспечить возможность их применения.

С позиции теории права, механизм реализации права – это система правовых средств, при помощи которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений [10, с. 421].

Применительно к земельному праву, в частности, реализацию принципов земельного права в широком смысле, можно обозначить как процесс воплощения исходных положений в жизнь (в нормы земельного права) посредством соответствующих правовых средств.

Земельный кодекс от 25 октября 2001 г. [6] (далее – ЗК РФ) в ряде принципов земельного законодательства закрепил положения о многоаспектности земли и о необходимости ее сохранения. В частности, пп.2 п.1 ст.1 устанавливает принцип приоритета охраны земли как важнейшего компонента окружающей среды и средства производства в сельском и лесном хозяйстве перед использованием земли в качестве недвижимого имущества. Стоит отметить, что с данным принципом связаны еще два принципа. Это принцип учета значения земли как основы жизни и деятельности человека (пп.1 п.1 ст.1), в соответствии с

которым регулирование отношений по использованию и охране земли осуществляется исходя, прежде всего, из представлений о земле как о природном объекте, охраняемом в качестве важнейшей составной части природы, природном ресурсе, используемом в качестве средства производства в сельском и лесном хозяйстве и основы осуществления хозяйственной и иной деятельности. Кроме того, надо назвать принцип приоритета сохранения особо ценных земель и земель особо охраняемых территорий (пп. 6 п. 1 ст. 1).

На наш взгляд, данные принципы можно условно рассматривать как единый принцип охраны земли, поскольку в них подчеркиваются главные особенности земли как природного объекта и природного ресурса, они также выражают желание законодателя показать первостепенную роль земли как элемента окружающей среды и стремление к ее сохранению.

При рассмотрении реализации принципа охраны земли необходимо исходить из содержания принципов земельного права, входящих в принцип охраны земли и закрепленных в нормах земельного права и воплощение их в земельно-правовых нормах.

А.П. Гусев указывал, что «реализация принципов права, так же как и способ их осуществления, возможна только в том порядке и тех формах, которые предписаны законом» [5].

В общем виде следует говорить о двух формах реализации права – это законодательство и правоприменение. На эти две формы указывает и ученый-теоретик В. С. Нерсисянц, который рассматривал две формы реализации права: в законодательной деятельности и подзаконном нормотворчестве; в правоприменительной деятельности. Касательно первой формы ученый писал, что «наша правовая теория вольно или невольно связывала реализацию права преимущественно с поведением граждан. Между тем реализация права зависит в первую очередь от тех, кто его творит. Исходной формой реализации права государством является законотворчество. Принятие правовых законов, формулирование в законах правовых предписаний — самое трудное и самое благородное дело законодателей. Применение права — это властная организующая деятельность компетентных органов и лиц, имеющая своей целью содействие адресатам правовых норм в реализации принадлежащих им прав и обязанностей, а также контроль за данным процессом» [12, с. 471, 426].

Г. А. Волков, опираясь на данную теоретическую характеристику реализации права, рассматривает реализацию принципов земельного права в федеральном законодательстве и в законодательстве субъектов Российской Федерации, а также реализацию принципов земельного права в правоприменительной деятельности [3, с. 155].

В данной статье рассмотрим некоторые вопросы реализации принципа охраны земли в современном законодательстве.

Положения об охране земель закреплены, прежде всего, нормами земельного законодательства, а также содержатся в нормах иных отраслей законодательства: конституционного, экологического, административного и других.

Конституция РФ закрепляет положение о том, что земля должна использоваться и охраняться как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ч. 1 ст. 9). Кроме того, владение, пользование и распоряжение землей осуществляются собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (ч. 2 ст. 36). Хотя в данном случае речь идет о собственниках земельных участков, однако указанное положение Конституции, на наш взгляд, применимо и к обладателям земельных участков на иных правах. Это подтверждает и земельное законодательство.

Требования об охране земель заложены и в обязанностях субъектов земельных отношений. Так, согласно ст. 13 Кодекса собственники земельных участков, землепользователи, землевладельцы и арендаторы земельных участков обязаны проводить мероприятия по сохранению почв и их плодородия; защите сельскохозяйственных угодий от зарастания деревьями и кустарниками, сорными растениями, а также защите растений и продукции растительного происхождения от вредных организмов (растений или животных, болезнетворных организмов, способных при определенных условиях нанести вред деревьям, кустарникам и иным растениям).

Экологическое законодательство закрепляет обязательные для исполнения всеми субъектами правила использования и охраны природных объектов, которые распространяются и на отношения по использованию и охране земли как составной, важнейшей части природной среды. Обратим внимание, что нормы экологического законодательства, выделяя землю в качестве самостоятельного объекта, направлены на сохранение земли как важнейшего компонента окружающей среды.

Необходимо учитывать, что негативному воздействию подвергаются земли различных категорий, в частности, при размещении на земельных участках тех или иных объектов. Законодатель, принимая во внимание данные случаи, устанавливает нормы по охране земли. Например, в ст. 34 ФЗ «Об охране окружающей среды» [15] указано, что при размещении, проектировании, строительстве, реконструкции, вводе в эксплуатацию, эксплуатации, консервации и ликвидации зданий и иных объектов, оказывающих прямое или косвенное негативное воздействие на окружающую среду должны предусматриваться мероприятия по охране окружающей среды, восстановлению природной среды, рациональному использованию и воспроизводству природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности. Нарушение требований в области охраны окружающей среды влечет за собой приостановление размещения, проектирования, строительства, реконструкции, эксплуатации и т.д. зданий и иных объектов по решению суда.

В литературе среди основных видов негативного воздействия на землю указываются: водная и ветровая эрозия; переувлажнение и заболачивание; загрязнение земель в результате воздействия промышленных выбросов вредных веществ; захламление земель промышленными и бытовыми отходами [18, с. 394].

Обратим внимание, что, законодатель при регулировании отношений по использованию земли не всегда указывает на необходимость ее сохранения как важнейшего компонента окружающей среды. Например, в соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 12 ЗК РФ использование земель должно осуществляться способами, обеспечивающими сохранение экологических систем, способности земли быть средством производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве, основой осуществления хозяйственной и иных видов деятельности.

Согласно Федеральному закону «Об охране окружающей среды» естественная экологическая система - это объективно существующая часть природной среды, которая имеет пространственно-территориальные границы и в которой живые (растения, животные и другие организмы) и неживые ее элементы взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществом и энергией (ст. 1). В литературе данное понятие определяется, в частности, как любое сообщество живых существ и его среда обитания, объединенные в единое функциональное целое, возникающее на основе взаимозависимости и причинно-следственных связей, существующих между отдельными экологическими компонентами [8, с. 49]. Исходя из изложенного, полагаем, что требование ЗК РФ об использовании земель способами, обеспечивающими сохранение экологических систем, напрямую не связано с сохранением земли как важнейшего компонента окружающей среды. Отметим, что обновленная статья 12 ЗК РФ в редакции Федерального

закона от 21 июля 2014 г. № 234-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16] о способах использования земли вообще не упоминает.

Учитывая изложенное, полагаем, что норма о способах использования земли в ЗК РФ необходима, и должна располагаться в ст. 13 ЗК РФ, посвященной содержанию охраны земель и отражать:

- положения, заложенные в основных принципах земельного законодательства в части охраны земли, подчеркивая важность сохранения земли как важнейшего компонента окружающей среды;

- включать общее упоминание об ответственности собственников и лиц, не являющихся собственниками земельных участков, в случае нарушения требований законодательства об использовании земли и непринятии мер по ее охране.

Предлагается в п.1 ст. 13 ЗК РФ добавить новый абзац следующего содержания: «Использование земель должно осуществляться собственниками земельных участков и лицами, не являющимися собственниками земельных участков, способами, направленными на охрану земли как важнейшего компонента окружающей среды, способности земли и ее почв быть средством производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве, основой осуществления хозяйственной и иных видов деятельности, которые не должны наносить вред окружающей среде, приводить к снижению плодородия земель и ее почв при эксплуатации земельного участка, ухудшению экологической обстановки. Нарушение правил использования земли (земельных участков) является основанием для прекращения прав на землю (земельные участки) (далее по тексту)».

Одной из мер для охраны земли можно назвать возможность ограничения права пользования землей по основаниям экологического характера. Так, согласно ст. 56 ЗК РФ могут устанавливаться ограничения прав на земельные участки в виде: особых условий использования земельных участков и режима хозяйственной деятельности в охранных, санитарно-защитных зонах; особых условий охраны окружающей среды, сохранения плодородного слоя почвы, и др. Кроме того, ненадлежащее использование земли, связанное с нарушением экологических норм, являются основанием для прекращения прав на землю.

Необходимо отметить, что принятым относительно недавно Федеральным законом от 07 июня 2013 г. № 123-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [17] изменен перечень оснований для принятия решений о принудительном изъятии земельных участков.

В соответствии с пп. 1 п. 2 новой редакции ст. 45 ЗК РФ право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, право пожизненного наследуемого владения земельным участком прекращаются принудительно: при ненадлежащем использовании земельного участка, а именно при: использовании земельного участка с грубым нарушением правил рационального использования земли, в том числе если участок используется не в соответствии с его целевым назначением или его использование приводит к существенному снижению плодородия сельскохозяйственных земель или значительному ухудшению экологической обстановки; порче земель; невыполнении обязанностей по рекультивации земель, обязательных мероприятий по улучшению земель и охране почв; невыполнении обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению; неиспользовании земельного участка, предназначенного для сельскохозяйственного производства либо жилищного или иного строительства, в указанных целях в течение трех лет, если более длительный срок не установлен федеральным законом. В этот период не включается время, необходимое для освоения участка, а также время, в течение которого участок не мог быть использован по

целевому назначению из-за стихийных бедствий или ввиду иных обстоятельств, исключающих такое использование.

Отметим, что из новой редакции исчезли важные правонарушения, которые были в прежней редакции ст. 45 ЗК РФ, а именно: нарушение установленного соответствующими нормами статей 95 - 100 ЗК РФ режима использования земель особо охраняемых природных территорий, земель природоохранного, рекреационного назначения, земель историко-культурного назначения, особо ценных земель, других земель с особыми условиями использования, а также земель, подвергшихся радиоактивному загрязнению; систематическое невыполнение обязательных мероприятий по улучшению земель, охране почв от ветровой, водной эрозии и предотвращению других процессов, ухудшающих состояние почв.

Ввиду недавнего введения новых оснований для изъятия земельных участков, практика по реализации статьи 45 ЗК РФ в правоприменительной деятельности пока не сформировалась.

Полагаем, что, несмотря на введение указанных изменений, например, в ст. 45 ЗК РФ, вопросы по применению на практике как возникали, так и будут возникать впредь. Как отмечалось в литературе, «несмотря на законодательное закрепление возможности изъятия у собственника земельного участка, используемого с нарушением законодательства, осуществление данной процедуры на практике в настоящее время затруднительно по ряду оснований» [11, с. 33-34]. И хотя это замечание было написано до внесения изменений в ст. 45 ЗК РФ, оно остается справедливым и в настоящее время.

Так, порядок принудительного прекращения прав собственников на землю в Гражданском кодексе Российской Федерации [4] (далее – ГК РФ) не определен. Гражданский кодекс РФ, предусматривая основания привлечения собственников к ответственности, не устанавливает порядка привлечения к ней, а отсылает к ЗК РФ. Земельный кодекс РФ, в свою очередь, в ст. 54 упоминает только лиц, не являющихся собственниками земельного участка. Представляется, что процедура принудительного прекращения права собственности на землю должна быть прямо предусмотрена в ЗК РФ. Кроме того, ст. 54 ЗК РФ подчеркивает, что на первоначальном этапе процедуры принудительного изъятия земельного участка в случае выявления при осуществлении государственного земельного надзора нарушений требований земельного законодательства к землепользователям будет применена административная ответственность (выдаются предписания об устранении выявленных нарушений с указанием сроков их устранения).

Однако некоторые составы, указанные в ст. 45 ЗК РФ, не предусмотрены административным законодательством, например, грубое нарушение правил рационального использования земли, приводящее к существенному снижению плодородия сельскохозяйственных земель либо к значительному ухудшению экологической обстановки.

Гражданское законодательство затрагивает вопросы принудительного прекращения прав собственников на землю. Например, в соответствии со ст. 285 ГК РФ основанием для изъятия земельного участка у собственника называется использование участка с грубым нарушением правил рационального использования земли, установленных земельным законодательством, в частности, если участок используется не в соответствии с его целевым назначением или его использование приводит к существенному снижению плодородия сельскохозяйственных земель либо значительному ухудшению экологической обстановки. А что представляет собой грубое нарушение правил использования земли? Исходя из смысла статьи, к грубым нарушениям ГК РФ относит, в частности, использование участка не по целевому назначению, а также использование участка,

которое приводит к существенному снижению плодородия сельскохозяйственных земель либо значительному ухудшению экологической обстановки. Согласимся, что основаниями изъятия участков могут быть и другие виды грубых нарушений, но критериев отнесения тех или иных действий к грубым нарушениям использования земель в ГК РФ не установлено. В Проекте ГК РФ критерии также не прописаны. В ст. 296.5. Проекта ГК РФ указано, что право собственности на земельный участок может быть прекращено принудительно, если земельный участок используется не в соответствии с его целевым назначением, его использование приводит к существенному снижению плодородия сельскохозяйственных земель или к значительному ухудшению экологической обстановки либо осуществляется с иным грубым нарушением правил рационального использования земли, установленных законом [13].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [9] (далее – КоАП) не предусматривает административную ответственность за использование земельных участков способами, которые приводят к существенному снижению плодородия земель сельскохозяйственного назначения или значительному ухудшению экологической обстановки. В одном из комментариев высказывается предложение ввести в КоАП соответствующую статью, предусматривающую административную ответственность за данные виды правонарушений или принятие субъектами РФ законов об административной ответственности за те правонарушения, которые названы в ЗК, но за которые не установлена административная ответственность на федеральном уровне [7]. Полагаем, что при введении в федеральный закон иных критериев и признаков нарушения земельного законодательства, являющихся основанием для принудительного изъятия земельных участков, его нормы не будут действовать до тех пор, пока не будут приняты соответствующие подзаконные нормативные правовые акты, устанавливающие данные критерии и признаки.

Ввиду изложенного, напрашивается предложение о введении в КоАП, а именно в главу 8 КоАП, таких составов как грубое нарушение правил рационального использования земли, а именно: использование земельных участков способами, приводящие к существенному снижению плодородия сельскохозяйственных земель либо к значительному ухудшению экологической обстановки. Введение данных составов исключит пробел в земельном и административном законодательстве, приведет к единому подходу в понимании, а также будет способствовать сохранению земли.

Вызывает беспокойство и проект Федерального закона № 465407-6 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части перехода от деления земель на категории к территориальному зонированию» [14], в котором предполагается упрощенная система управления земельными ресурсами путем исключения из земельного законодательства категории земель сельскохозяйственного назначения и с переходом на территориальное зонирование в отношении сельскохозяйственных земель.

Согласимся с мнением ученых, которые подчеркивают, что «отмена категорий земель повлечет за собой существенное «перекраивание» всего природоресурсного законодательства. Категоризация земель - основа их правового режима, так как в зависимости от категории земель могут быть установлены виды прав на земельные участки для тех или иных субъектов (например, для иностранных граждан и иностранных юридических лиц - только право аренды земель сельскохозяйственного назначения), конкретные права и обязанности правообладателей земельных участков, оборотоспособность земельных участков» [1, с. 87-93].

Кроме того, представляется очевидным, что, в случае принятия данного проекта, будет нарушен принцип охраны земли и созданы риски для развития сельского хозяйства и продовольственной базы страны.

Изложенное показывает, что вопросы в правовом регулировании земельных отношений в части охраны земли существуют. Однако своевременное внесение изменений в законодательство будет способствовать улучшению качества земель.

Список использованной литературы:

1. Анисимов А.П., Землякова Г.Л., Мельников Н.Н. Зонирование как функция управления земельным фондом: вопросы теории // Современное право. 2012. № 8. С. 87 - 93.
2. Большой юридический словарь //URL: <http://law-enc.net/word/realizacija-prava-5163.html> (дата обращения 28.10.2013 г.).
3. Волков Г. А. Принципы земельного права России. М. Городец. 2005. С. 155.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Гусев А.П. Проблема реализации принципа гласности в суде общей юрисдикции (на примере пересмотра дела в порядке надзора). Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под ред. Л.Ф. Леснической, М.А. Рожковой. М. Статут. 2008 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
6. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.
7. Комментарий к земельному кодексу Российской Федерации / под ред. Болтановой Е.С. М. Инфра-М. 2010. С. 239.
8. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / Под ред. проф. А.К. Голиченкова. М. 2002. С. 49.
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
10. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: Учебник для вузов. М. Спарк. 2000. С. 421.
11. Лобачев С.В. К вопросу о прекращении прав на землю как мере земельно-правовой ответственности лиц // Юрист. 2012. № 19. С. 33 – 34.
12. Проблемы общей теории права и государства. Учебник для вузов/под общей редакцией академика РАН, д.ю.н., профессора В.С. Нерсесянца. М. Норма. 2004. С. 417-418. С. 426.
13. Проекта Федерального закона № 47538-6 в Гражданский кодекс Российской Федерации // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
14. Проект Федерального закона № 465407-6 «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части перехода от деления земель на категории к территориальному зонированию» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.03.2014) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
15. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
16. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 234-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4235. (изменения, вносимые указанным законом вступают в силу с 01 января 2015 г.).

17. Федеральный закон от 07 июня 2013 г. № 123-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и статью 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 23. Ст. 2881.

18. Экологическое право: учебник / отв. ред. Г.Е. Быстров (и др.). М. 2008. С. 394.

© А.С. Тютюник, 2014

УДК 32

А.В. Чичкин

Зав.кафедрой земельного и трудового права,
доцент, кандидат юридических наук
Оренбургский государственный аграрный университет
Г. Оренбург, Российская Федерация

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ СДЕЛОК С ЗЕМЛЯМИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В соответствии со ст. 77 Земельного Кодекса РФ землями сельскохозяйственного назначения признаются земли за чертой поселений, предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей. В состав земель сельскохозяйственного назначения традиционно входят наиболее ценные, плодородные земли, которые, ввиду этого, подлежат особой охране со стороны государства.

В настоящее время правовой режим земель сельскохозяйственного назначения регулируется вступившим в силу 27 января 2003 года Федеральным Законом от 24.07.2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (далее Закон об обороте)(1). Указанный закон регулирует отношения, связанные с владением, пользованием, распоряжением землями сельскохозяйственного назначения, устанавливает правила и ограничения, применяемые к обороту земель сельскохозяйственного назначения и долей в праве общей собственности на земли сельскохозяйственного назначения, определяет условия предоставления земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, а также изъятия их в государственную или муниципальную собственность.

Земли сельскохозяйственного назначения в России занимают 406 млн.га, в том числе сельскохозяйственные угодья (пашня 124,5; кормовые угодья 90,9; многолетние насаждения 1,8 и залежь 3,9 млн. га). За последние 10 лет площади пашни в стране сократились на 18 млн. га, производство продукции сельского хозяйства снизилось почти на 40 %, а готовых продуктов питания – на 50 % (2).

Оборот сельскохозяйственных земель основывается на следующих принципах:

- 1) сохранение целевого использования земельных участков;
- 2) установление максимального размера общей площади земельных участков сельскохозяйственных угодий, которые расположены на территории одного административно-территориального образования субъекта Российской Федерации и могут одновременно находиться в собственности гражданина, его супруга и близких родственников (родителей, детей, братьев, сестер, бабушки, бабушки и внуков), а также юридических лиц, в которых данные гражданин или его супруг и близкие родственники (родители, дети, братья, сестры, бабушка, бабушка и внуки) имеют право распоряжаться более чем 50 процентами общего количества голосов,

приходящихся на акции или вклады (доли), составляющие уставные (складочные) капиталы данных юридических лиц;

3) преимущественное право субъекта Российской Федерации или в случаях, установленных законом субъекта Российской Федерации, муниципального образования на покупку земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения при его продаже, за исключением случаев продажи с публичных торгов;

4) преимущественное право субъекта Российской Федерации или в случаях, установленных законом субъекта Российской Федерации, муниципального образования на покупку доли в праве общей собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения при возмездном отчуждении такой доли участником долевой собственности в случае, если другие участники долевой собственности откажутся от покупки такой доли или не заявят о намерении приобрести такую долю в праве общей собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения;

5) установление особенностей предоставления земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения иностранным гражданам, иностранным юридическим лицам, лицам без гражданства, а также юридическим лицам, в уставном (складочном) капитале которых доля иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства составляет более чем 50 процентов;

6) предоставление гражданам и юридическим лицам в собственность земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, находящихся в государственной или муниципальной собственности, на возмездной или безвозмездной основе в случаях, установленных федеральными законами (3).

На наш взгляд, следует выделить особенности основных видов сделок проводимых с землями сельскохозяйственного назначения, таких как купля-продажа и аренда земель сельскохозяйственного назначения.

Особенностью купли-продажи земельных участков сельскохозяйственного назначения в соответствии со ст. 8 Закона об обороте (4) является то, что при продаже земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения субъект РФ или в случаях, установленных законом субъекта РФ, муниципальное образование имеет преимущественное право покупки такого земельного участка по цене, за которую он продается, за исключением случаев продажи с публичных торгов. Продавец земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения обязан известить в письменной форме высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ (муниципального образования) о намерении продать земельный участок с указанием цены и других существенных условий договора. В случае, если субъект РФ (муниципальное образование) откажется от покупки либо не уведомит продавца о намерении приобрести продаваемый земельный участок в течение месяца со дня поступления извещения, продавец вправе в течение года продать земельный участок третьему лицу по цене не ниже указанной в извещении.

Следует учитывать, что при продаже земельного участка с нарушением преимущественного права покупки субъект РФ (муниципальное образование) имеет право в течение года с момента государственной регистрации перехода права собственности требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя.

В соответствии со ст. 9 Закона об обороте в аренду могут быть переданы прошедшие государственный кадастровый учет земельные участки из земель сельскохозяйственного назначения, в том числе земельные участки, находящиеся в долевой собственности. В случае передачи в аренду находящегося в долевой собственности земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения договор аренды земельного участка заключается

или со всеми участниками долевой собственности, или с лицом, действующим на основании доверенностей, выданных ему участниками долевой собственности.

Договор аренды земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения может быть заключен на срок, не превышающий 49 лет. При этом в случае, если иное не предусмотрено законом или договором аренды, арендатор, надлежащим образом исполнивший свои обязанности, по истечении срока договора аренды имеет при прочих равных условиях преимущественное право на заключение договора аренды на новый срок. Площадь земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения, одновременно находящихся в аренде у одного арендатора, не ограничивается.

Передача в аренду находящихся в государственной или муниципальной собственности земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения может осуществляться в порядке, установленном статьей 34 ЗК РФ (то есть без проведения торгов) в том случае, если имеется только одно заявление о передаче земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения в аренду, при условии предварительного и заблаговременного опубликования сообщения о наличии предлагаемых для такой передачи земельных участков в средствах массовой информации, определенных субъектом РФ. При этом принятие решения о передаче земельных участков в аренду допускается при условии, что в течение месяца с момента опубликования вышеуказанного сообщения не поступили иные заявления. В том случае, если подано два и более заявлений о передаче земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения в аренду, такие земельные участки предоставляются в аренду исключительно на торгах (п. 2 ст. 10 Закона об обороте).

Список использованной литература:

1. Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 года // СЗ РФ. 2001. №44. Ст. 4148.
2. Об обороте земель сельскохозяйственного назначения. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. №101-ФЗ// СЗ РФ. 2002. №30. Ст. 3018.
3. Постатейный комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». М., 2003. С. 45.
4. Горемыкин В.А. Современный земельный рынок России. М.: Дашков и К», 2005. С. 224.

© А.В.Чичкин, 2014

УДК 343

Е.Е. Шавкарова, Старший преподаватель
Волгоградской академии МВД России
г. Волгоград, Российская Федерация

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА С УЧАСТИЕМ СВИДЕТЕЛЯ

Одним из источников доказательств являются показания. Показания – сведения, сообщенные лицом на допросе, проведенном в ходе предварительного расследования.

Допрос является одним из основных средств, с помощью которых осуществляется доказывание по уголовным делам, и наиболее часто проводимым следователями и дознавателями следственным действием.

Сущность допроса состоит в том, что при его производстве следователь, применяя разработанные криминалистикой и апробированные следственной практикой тактические приемы, побуждает допрашиваемого дать показания об обстоятельствах, прямо или косвенно связанных с расследуемым преступлением. Выслушивая и анализируя сообщаемые сведения, следователь фиксирует их в протоколе допроса, чтобы в дальнейшем они могли быть использованы в качестве доказательств по расследуемому делу.

Предмет свидетельских показаний составляют фактические данные, известные свидетелю, и он определяется обстоятельствами конкретного уголовного дела, личностью допрашиваемого, совокупностью тех сведений, которыми он располагает. Это может быть получение не только информации, относящейся к событию преступления, но и сведений об обстоятельствах, которые предшествовали преступлению, сопутствовали ему или имелись в причинной связи с расследуемым фактом, а также тех данных, которые могут быть использованы в процессе расследования для обнаружения новых доказательств, проверки и оценки уже имеющихся. Кроме этого, свидетель может быть допрошен и по обстоятельствам, касающимся самого производства по делу либо отдельных следственных и судебных действий; у него могут быть получены сведения, характеризующие личность обвиняемого, потерпевшего и других свидетелей и их взаимоотношения. Для правильной оценки показаний ему могут быть заданы вопросы, касающиеся непосредственно его личности, состояния его органов чувств. [1, с.61]

Тактические приемы допроса это разработанные криминалистикой и апробированные следственной практикой оптимальные способы установления с допрашиваемым психологического контакта, нейтрализации его негативного настроения к расследованию и оказанию на него психического воздействия с целью получить полные и достоверные показания.

По мнению профессора Р.С. Белкина, существует семь основных тактических приемов по изобличению недобросовестного свидетеля или потерпевшего. Все их можно разделить на три небольшие группы: во-первых, приемы эмоционального воздействия, в число которых входит убеждение, разъяснение и воздействие; во-вторых, приемы логического воздействия, заключающиеся в демонстрации несоответствия показаний действительности; и в-третьих, тактические комбинации, в своей основе использующие факторы внезапности, последовательности, создания напряжения и т.д. [2, с.639]

Действующий УПК РФ предусматривает применение тактических приемов в ходе допроса. К ним относятся предъявление вещественных доказательств и документов в ходе допроса; оглашение протоколов других следственных действий, воспроизведение материалов аудио- и видеозаписи или кинофильма следственных действий; изготовление допрашиваемым лицом схем, чертежей, рисунков, диаграмм; принятие мер безопасности в отношении свидетеля. В целях обеспечения безопасности в протоколе допроса может указываться псевдоним, а сам допрос производится в условиях, исключающих визуальное восприятие свидетеля другими участниками процесса [3, с.49].

В начале допроса свидетеля основное внимание уделяется установлению с ним надлежащего психологического контакта. Большую роль в этом играет уважительное, доброжелательное обращение со свидетелем со стороны допрашиваемого лица. Не лишним будет выражение благодарности за явку и готовность помочь следствию. Чтобы установить психологический контакт с допрашиваемым, следователь должен избрать тактически правильную форму предупреждения свидетеля об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Свидетели, настроенные рассказать все полно и правдиво, такое предупреждение чаще всего воспринимают как недоверие к ним со стороны следователя, поэтому целесообразнее разъяснить допрашиваемому, что оснований сомневаться в его искренности нет, но необходимо выполнить предписание закона. Если же следователь полагает, что свидетель не хочет давать полные и правдивые

показания, целесообразно, напротив, акцентировать возможность наступления уголовной ответственности, тем самым принуждая свидетеля к даче правдивых показаний.

Естественно, что в процессе допроса как одна, так и другая сторона использует различные средства общения, стараясь достичь поставленной цели. Несомненно, что происходящая при этом психологическая борьба предполагает проявление психологического воздействия. Такое воздействие - не что иное, как позиция следователя, стремящегося к установлению истины по делу путем воздействия на психику допрашиваемого, убеждая его отказаться от неверной позиции и дать правдивые показания.

Однако тактические приемы получения показаний не могут быть основаны на физическом или психическом насилии; недопустимо ограничивать время на обдумывание ответа (если это не ведет к злоупотреблению); угрожать мерой пресечения; вводить допрашиваемого в заблуждение. Более того, применение тактических средств, лишаящих допрашиваемого возможности свободно давать показания, не разрешается даже при его согласии (например, использование во время допроса "детектора лжи"). При производстве допроса запрещается задавать наводящие вопросы.

Свидетелей обычно допрашивают в месте производства расследования (хотя уголовно-процессуальное законодательство допускает, чтобы следователь производил допрос и в месте нахождения свидетеля). Свидетеля рекомендуется допрашивать в рабочем кабинете следователя, поскольку официальная обстановка побуждает к осознанию серьезности предстоящего допроса, способствует установлению деловой атмосферы. Однако в ряде случаев допрос свидетеля в кабинете следователя невозможен по объективным причинам или нецелесообразен по тактическим соображениям.

Полученные показания подлежат обязательной проверке, потому их важно детализировать. Для этого рекомендуется задать свидетелю вопросы, чтобы выяснить источник сообщенных сведений, почему он их запомнил, чем могут быть подтверждены его показания и т.д.

Список использованной литературы:

1. Порубов Н.И. Тактика допроса на предварительном следствии. - М.: Издательство БЕК, 1998.
2. Белкин Р.С. Криминалистика. – Москва, 2004.
3. Шавкарова Е.Е. Проблемы обеспечения безопасности свидетелей и иных лиц, оказывающих содействие уголовному судопроизводству. – Актуальные проблемы юридических наук: сборник статей Международной научно—практической конференции (30 июля 2014г, г. Уфа).-Уфа: Аэтерна, 2014.

© Е.Е. Шавкарова, 2014

УДК 342

А.И. Ярышка

Студентка кафедры государственной политики и государственного управления
Кубанский государственный университет, Г. Краснодар, Российская Федерация

УЧАСТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ВОПРОСАМ СОВМЕСТНОГО ВЕДЕНИЯ

В Российской Федерации одной из важнейших форм совместной законодательной работы федеральных и региональных органов законодательной власти по предметам совместного ведения является представление субъектами Российской Федерации отзывов на проекты соответствующих федеральных законов.

Данный вопрос является актуальным для современной России, так как для повышения эффективности модернизации страны и в целом для оптимизации государственной власти и управления в Российской Федерации требуется учет мнения каждого субъекта Российской Федерации при принятии федеральных законов по предметам совместного ведения.

В соответствии со ст. 26.4 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее Закон № 184-ФЗ) проекты федеральных законов по предметам совместного ведения согласовываются с законодательными (представительными) и высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации. В нормативном акте говорится, что в тридцатидневный срок после направления проектов федеральных законов законодательным и высшим исполнительным органам государственной власти субъектов Российской Федерации, последние должны предоставить отзывы на указанные законопроекты. В соответствии с Законом № 184-ФЗ, если более одной трети субъектов Российской Федерации выскажутся против принятия соответствующего федерального закона, то по решению Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее Государственная Дума) создается согласительная комиссия[1].

Данная норма действительно реализуется на практике: проекты федеральных законов по предметам совместного ведения на самом деле направляются в каждый субъект Российской Федерации для предоставления отзывов на законопроекты. Проблема возникает при обратной связи: в соответствии с Законом № 184-ФЗ отзыв считается положительным, если за принятие данного законопроекта синхронно выскажутся законодательный и высший исполнительный органы государственной власти субъекта Российской Федерации, хотя в соответствии с Конституцией Российской Федерации 1993 года высшие исполнительные органы государственной власти субъектов не обладают правом законодательной инициативы[1,2].

По мнению таких экспертов как О.И. Пименова и Е.А. Пименов, высшие исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации фактически блокируют участие законодательных органов государственной власти субъектов Российской Федерации в федеральном законотворческом процессе в период подготовки законопроекта к рассмотрению в первом чтении, так как если мнения законодательного и высшего исполнительного органов государственной власти субъекта Российской Федерации разделяются, позиция данного субъекта считается невыраженной[3, с. 56-57].

Существует вторая проблема, связанная с порядком деятельности согласительной комиссии, в случае, если более одной трети субъектов Российской Федерации не согласятся с рассматриваемым законопроектом. В Законе № 184-ФЗ не прописан ни порядок формирования данной согласительной комиссии, ни состав, ни действия, которые необходимо осуществить, если члены согласительной комиссии не придут к консенсусу. Таким образом, данная норма не может быть реализована в полной мере, так как она полностью не урегулирована законодательством.

По данному вопросу существует третья весомая проблема: Закон № 184-ФЗ не установил обязательность учета мнения субъектов Российской Федерации Государственной Думой при рассмотрении законопроекта по предметам совместного ведения, в нормативном акте говорится лишь о том, что по решению Государственной Думы может создаваться согласительная комиссия[1]. Можно привести пример из практики: как утверждают О.И. Пименова и Е.А. Пименов, при принятии Земельного кодекса Российской Федерации почти 40 субъектов Российской Федерации направили в Государственную Думу отрицательные

отзывы на данный законопроект, но Кодекс был принят одновременно в трех чтениях[3, с. 57]. То есть можно утверждать, что данная норма носит больше формальный характер, чем фактический.

Данный вопрос волнует многих экспертов и ученых, например, А.М. Цалиев говорит, что для расширения роли регионов во внутренней политике Российской Федерации требуется, прежде всего, ввести норму о том, что если более половины субъектов Российской Федерации направляет отрицательный отзыв на проект федерального закона по предметам совместного ведения, то его следует снимать с дальнейшего рассмотрения федеральным законодателем[4, с. 10]. С.А. Авакьян считает, что если мнение определенной группы субъектов Российской Федерации не учтено при рассмотрении законопроекта по предметам совместного ведения, надо поставить условие принятия данного закона квалифицированным большинством обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации[5, с. 5]. Таким образом, данная норма Закона № 184-ФЗ требует фактической доработки, так как в противном случае субъекты Российской Федерации не смогут в полной мере участвовать в разработке государственной политики.

С учетом анализа результатов практической работы и мнения ученых, можно предложить следующие меры, направленные на совершенствование участия законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации в федеральном законодательном процессе по вопросам совместного ведения:

1. Конкретизировать п. 3 ст. 26.4 Закона № 184-ФЗ по поводу создания согласительной комиссии, а именно: ввести принцип обязательности её создания, в случае, если более одной трети субъектов Российской Федерации выскажутся против принятия законопроекта по предметам совместного ведения, уточнить порядок её образования, состав и порядок действий федеральных и региональных законодателей при не достижении согласия;

2. Предусмотреть норму в ст. 26.4 Закона № 184-ФЗ о том, что приоритет должен отдаваться мнению законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации по поводу одобрения или неодобрения законопроекта по вопросам совместного ведения или полностью исключить возможность участия высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации в подготовке отзыва на проект федерального закона.

Список использованной литературы:

1. Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ (в редакции от 21 июля 2014 года) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года.

3. Пименова О.И., Пименов Е.А. Процедурный механизм совершенствования системы разграничения предметов ведения и полномочий (компетенции) между федеральными и региональными органами государственной власти в Российской Федерации: перспективы развития // Государство и право. 2011. № 11. С. 49-58.

4. Цалиев А.М. О расширении роли субъектов Российской Федерации во внутренней государственной политике // Право и политика. 2013. № 1. С. 6-12.

5. Авакьян С.А. Конституционно-правовые проблемы централизма, демократии и децентрализации в современном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 8. С. 2-7.

© А.И. Ярышка, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Н.В. Александрова, Ю.И. Авдащенко К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОЗНАНИЯ В СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЕ.....	3
И.П. Долгих, А.Ф. Быстрынцев О ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ ЛИЦУ, СОВЕРШИВШЕМУ НЕСКОЛЬКО АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ.....	6
Д.С. Запорожцев ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ В ФИНАНСОВОМ ПРАВЕ.....	8
П.Г. Зверев ЗАКОНЫ ОККУПАЦИИ И МИРОТВОРЧЕСТВО ООН.....	10
П.Г. Зверев ОБ ОПЕРАЦИЯХ В ПОДДЕРЖКУ МИРА.....	12
А.И. Катогарова ПРАВО НА ДОСТОЙНУЮ ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ.....	14
М.Н. Кузьмин К ВОПРОСУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	16
К. С. Кушева СИСТЕМА РОДИТЕЛЬСКИХ ОТПУСКОВ: SWEDEN VS RUSSIA.....	18
С.Г. Маслова ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТАРАТЕЛЕЙ В ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БОДАЙБИНСКОГО РАЙОНА: НЕДОСТАТКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.....	21
Е.В. Немчинов ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ЗАДАНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ.....	25
Е.И.Павлова А.В. Ромашова ОПЕКА И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ.....	27
М.С. Степанова РОЛЬ ОРГАНОВ ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ УСЫНОВЛЕНИЯ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ.....	31

Ю. А. Тымчук К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ ИНСТИТУТА ОБЪЕКТИВНОЙ ИСТИНЫ В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	34
А.С. Тютюник НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ОХРАНЫ ЗЕМЛИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ.....	36
А.В. Чичкин ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ СДЕЛОК С ЗЕМЛЯМИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ.....	43
Е.Е. Шавкарова ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ДОПРОСА С УЧАСТИЕМ СВИДЕТЕЛЯ.....	45
А.И. Ярышка УЧАСТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ПО ВОПРОСАМ СОВМЕСТНОГО ВЕДЕНИЯ.....	47

Научное издание

ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОЙ НАУКИ

Сборник статей
Международной научно-практической конференции
10 октября 2014г.

В авторской редакции

Подписано в печать 14.10.2014 г. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 3,25 Тираж 500 Заказ № 113

Издательство "Аэтерна"
450076, г. Уфа, ул. Гафури 27/2
e-mail: info@aeterna-ufa.ru
Тел.: + 7 (347) 266 60 68